

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

**Модернизация в окружении.
Часть V: вопросы теории**

Препринт М-96/23

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

УДК 330.34
ББК 65.9 (4Фин)
Л22

Л22 Ланко Д. А.

Модернизация в окружении. Часть V: вопросы теории / Дмитрий Ланко : Препринт М-96/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 68 с. — (Серия препринтов; М-96/23; Центр исследований модернизации).

Как Финляндия из бедной провинции Российской империи в начале XIX века и из бедной европейской страны в начале XX века стала одной из богатейших стран Европы к концу XX века? В препринте показывается, как Финляндия, пропустив эпоху промышленной революции и не пользуясь иностранными инвестициями, последовательно проводила индустриализацию и модернизацию промышленности, не забывая при этом и о модернизации сельского хозяйства. Каждый житель Финляндии без исключения сыграл свою роль в этом процессе, однако в докладе особо подчеркивается роль банковских клерков, изобретателей и школьных учителей, которые обеспечили финляндскую модернизацию капиталом, технологиями и массовым образованием. Сегодня Финляндия стоит на пороге нового перехода, предполагающего построение экономики знаний. Этим объясняются как противоречивые показатели динамики экономического развития страны, так и те вопросы, без ответа на которые Финляндия не сможет пойти дальше. Этим вопросам посвящена заключительная часть доклада.

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Крестьянская модернизация

Собиратель финских пословиц и поговорок Р. Рекола утверждает, что среди тысяч образцов народной мудрости, порожденных финнами, есть и та, которая предостерегает от попыток «надевать штаны, запрыгивая в них»: “Ei housuuhin hyppäämällä mennä” [Rekola 2022, s. 74]. Широко распространенная трактовка этой пословицы предписывает понимать ее как указание на то, что для каждой цели есть свой способ ее достижения. Запрыгнуть в сапоги при наличии определенного опыта можно легко, и это реально помогает финскому крестьянину, который и породил эту пословицу, сэкономить столь драгоценное в условиях короткого финского лета время. Однако попытки надеть таким же образом штаны, напротив, являются малоэффективными и приводят к неизбежной потере времени, которое будет растрачено на то, чтобы самостоятельно убедиться в бесперспективности таких попыток. Не менее широко распространена и другая трактовка этой пословицы: каждое дело требует времени. Выражаясь научным языком, надевание штанов — это процесс, как и модернизация.

Отличие надевания штанов от модернизации заключается в том, что у первого процесса есть вполне определенная цель: получить человека, одетого в штаны. У модернизации же цели нет; двигателем модернизации является непрерывно воспроизводящееся стремление людей, живущих на своей земле, менять свою жизнь к лучшему. Не жить по заветам предков, рассчитывая на то, что неукоснительное соблюдение традиций в этой жизни обеспечит тебе лучшую, а возможно даже, и вечную жизнь после смерти, но менять свою жизнь к лучшему уже при этой жизни. Стремление к «построению рая на Земле», сформировавшееся у европейцев в Новое время, и стало двигателем европейской модернизации в эту эпоху. Для обозначения стремления к «построению рая на Земле» Э. Фёгелин использует модифицированное понятие из католического богословия — «имманентизация эсхатона» [Фёгелин 2021]. Он предостерегает, что

«имманентизация эсхатона» способна стать причиной чудовищных преступлений — например, тех, которые совершили немецкие нацисты в XX веке. Однако и модернизация едва ли возможна без постоянно воспроизводящейся в данном обществе «имманентизации эсхатона».

Модернизация Финляндии — это процесс, к течению которого в равной мере приложили руки представители как элиты, так и крестьянства. Благодаря знаниям, доступным в XIX веке исключительно представителям элиты в условиях массовой безграмотности основной части крестьянства, удалось запустить процесс финляндской модернизации, продолжившийся (пусть и не без трудностей) и в XX столетии. Он вновь столкнулся с трудностями в начале XXI века, которые, как хочется надеяться, будут преодолены так же, как были преодолены трудности XX века, и модернизация в стране продолжится даже в условиях, когда сами финны едва ли могут сформулировать, куда конкретно она их приведет. Однако в не меньшей степени запуск финляндской модернизации состоялся в XIX веке благодаря «крестьянской мудрости», упоминанием одного из образцов которой открывается этот доклад. Важная роль крестьянства в процессе финляндской модернизации позволяет увидеть параллели между процессами, проходившими в начале XX века в Финляндии и в основной части России, которой тогда принадлежала Финляндия.

Т. Шанин указывает на важную роль русского крестьянства в русских революциях 1905–1907 и 1917 годов и в гражданской войне в России 1917–1922 годов [Шанин 1997]. В Финляндии в это же время происходили аналогичные события; правда, гражданская война в этой стране вместо пяти лет продолжалась всего три месяца и закончилась, в отличие от России, победой белых, а не красных. Однако сама по себе революция является, скорее, порождением модернизации, нежели ее причиной. Несомненно, революция может способствовать ускорению модернизации, если в ее результате общество изменится таким образом, что его характерной особенностью станет стремление к переменам в долгосрочном плане. Однако революция может и стать причиной разочарования общества в переменах. Так, революция в Финляндии, несмотря на победу (а может быть, и благодаря ей) реакционных сил, не привела к исчезновению стремления к переменам среди большей части финляндского общества и финляндской элиты, зародившегося в XIX веке и сохранявшегося на протяжении большей части XX века.

И напротив, революция в России, которая была социальной революцией, в терминологии Т. Скочпол [Скочпол 2017], то есть не обычным государственным переворотом, но революцией, результатом которой

стала трансформация всего российского общества, породила в России стремление к переменам лишь в среднесрочной перспективе. И модернизация первых пятилеток к 1970-м годам сменилась истощением стремления советской элиты к дальнейшим переменам, что привело к возникновению феномена, получившего в историографии СССР название «застой». И судя по тому, что многими современными россиянами эпоха застоя до сих пор воспринимается как «золотой век» Советского Союза, истощение стремления к переменам имело место не только среди советской элиты, но и среди значимой части населения. В отличие от тех недавних крестьян, которые, переехав в начале XX века в российские города, захотели перемен и стали движущей силой революций 1905 и 1917 годов, те недавние крестьяне, кто переехал в советские города в результате массовой урбанизации, случившейся после окончания Второй мировой войны, не захотели дальнейших перемен и стали социальной базой застоя.

Признание значимой роли крестьянства как в революционных событиях начала XX века, так и в финляндской модернизации в целом, которая как предшествовала этим событиям, так и продолжилась после их завершения, заставляет усомниться в правильности понимания модернизации как перехода от преимущественно аграрного общества, каким финляндское общество было вплоть до середины XX века, к новому обществу, характерному для промышленно развитой страны. Напротив, в этом докладе в контексте модернизации будут рассмотрены три тесно связанных между собой процесса: модернизация сельской жизни, собственно индустриализация, а также дальнейшая модернизация промышленности после осуществления «промышленного перехода». Представляется, что концентрация внимания исключительно на вопросах индустриализации отвлекает исследователей от многогранности понятий «сельское хозяйство» и «сельская жизнь». В современном мире миллиарды людей (в современной Финляндии — более полумиллиона) проживают в сельской местности и занимаются сельским хозяйством. Однако среди этих людей легко выделить группы, существенно отличающиеся как по способу хозяйствования, так и по образу жизни.

Так, финляндские фермеры, использующие передовые сельскохозяйственные технологии и занимающиеся производством так называемых органических продуктов, то есть продуктов, при производстве которых не используются минеральные удобрения и генетически модифицированные культуры, чья работа привела к формированию нового направления в финляндской сельскохозяйственной науке в начале

XXI века [Nykänen 2006], проживают в сельской местности и занимаются сельским хозяйством. Однако и те племена, которые в XXI веке продолжают жить охотой и собирательством в Ботсване, Намибии и Танзании, а за пределами Африки — в Парагвае, Юго-Западной Индии и на Борнео, наблюдение за которыми заставило Дж. Доннелли усомниться в сформулированном Т. Гоббсом тезисе о якобы невозможности мирного сосуществования людей в отсутствие государства [Donnelly 2012], также проживают в сельской местности и занимаются сельским хозяйством. Однако между способами хозяйствования и образами жизни этих двух групп лежит пропасть, процесс преодоления которой и является модернизацией сельской жизни.

По мнению Дж. Скотта, важнейшей вехой модернизации сельского хозяйства в истории всего человечества стало распространение зерновых культур [Скотт 2020]. Зерновые культуры, требующие для своего выращивания организации стационарных полей, привели не только к возникновению излишков продовольствия, но и к возникновению государства, которое занялось решением задачи обложения этих полей податями разных форм, взимать которые оказалось легко именно в силу стационарности полей. Необходимость учета полей ради обложения их податями привело к развитию письменности, которая, в свою очередь, создала условия для дальнейшей модернизации как собственно сельского хозяйства, так и государства. В отличие от обществ, занятых преимущественно выращиванием зерна, в тех обществах, которые занимались кочевым скотоводством, развитие государства с его неотъемлемым элементом — налогообложением — и письменности происходило гораздо медленнее.

Финляндия начала XIX века была аграрной страной. При этом разные группы ее населения занимались принципиально различными видами сельскохозяйственной деятельности, включая коневодство, оленеводство и рыбную ловлю. Однако именно выращивание зерна (прежде всего, ржи) стало первым и главным столпом финляндской модернизации. Еще во времена шведского владычества над территорией современной Финляндии скудость финских почв обусловила невозможность закрепощения финских крестьян завоеванными эти земли шведскими крестоносцами и установления между крестьянами и землевладельцами отношений, основывающихся на принципе барщины, как это произошло в южных частях Европы: от Испании после освобождения территории полуострова от арабов на западе до России после освобождения территории страны от татаро-монгольского ига на востоке. Финские крестьяне

выращивали рожь на выделенных им помещиками наделах и отдавали значимую часть урожая помещикам и церкви (в ряде случаев церковь выступала также в роли помещика).

Изначально распространенная в западной и южной частях Финляндии, имеющих непосредственный выход к морю, а соответственно — возможность для вывоза излишков производимого зерна в Швецию и далее — на экспорт, в первой половине XIX века эта система хозяйствования распространилась также и на Восточную Финляндию, где прежде в силу географической удаленности от экономических центров страны и невозможности вывоза излишков производимого зерна с целью их продажи и у помещиков, и у крестьян отсутствовала мотивация для модернизации сельского хозяйства. Такая мотивация у них появилась с присоединением Финляндии к Российской империи по результатам Наполеоновских войн. Опять-таки, в силу скудости финляндских почв и — в отличие от прежней метрополии, Швеции, — богатства России хлебом Российская империя позволила Великому княжеству Финляндскому оставлять большую часть собираемых на его территории налогов в распоряжении финляндского Сената.

На собранные в виде налогов финляндским Сенатом средства был построен и в 1856 году открыт Сайменский канал, соединивший окрестности крупнейшего финляндского озера Сайма с Выборгом на Балтике и ставший важнейшим фактором модернизации сельского хозяйства в Восточной Финляндии [Paaskoski 2002]. Впрочем, модернизация сельского хозяйства как в Восточной Финляндии, так и в остальных частях страны не произошла одновременно: стране пришлось пережить массовый голод в 1860-х годах и вновь в 1918–1919 годах, когда голод стал следствием гражданской войны и разрыва экономических связей с Россией после провозглашения независимости Финляндии. Лишь в 1920-х годах модернизация сельского хозяйства в стране достигла такого уровня, что страна оказалась способна обеспечить саму себя зерном в достаточном количестве, чтобы избежать голода даже в кризисные годы: голода в Финляндии не было ни в 1930-х годах, несмотря на тяжелые последствия Великой депрессии, ни в послевоенные 1940-е годы.

Даже модернизированное сельское хозяйство не может конкурировать с промышленностью по производительности труда. Как и в большинстве европейских стран, в Финляндии в XX веке индустриализация сопровождалась урбанизацией. Чтобы избежать запустения финских деревень в период правления У. Кекконена (который пользовался безусловной поддержкой сельского электората, а соответственно, стремился

всячески избежать его сокращения, что в итоге позволило ему оставаться на посту президента четверть века), целью модернизации сельского хозяйства в стране было провозглашено не стремление к увеличению его прибыльности, но стремление к повышению качества жизни на селе, даже если это сделало сельское хозяйство убыточным и зависимым от государственных дотаций. Эти дотации, пусть и уменьшенные, сохранились и после вступления Финляндии в Европейский союз в 1995 году. Так финская деревня, некогда в прямом и переносном смысле кормившая города, начала кормиться за счет средств, перераспределяемых государством от городов с их развитой промышленностью обратно в деревню.

Рабочая модернизация

Вторым после сельского хозяйства столпом финляндской модернизации стало ее лесное хозяйство. Любопытно, что в шведский период богатство территории Финляндии пригодными для экспорта в более развитые страны лесами служило не столько фактором экономического развития, сколько причиной экономической отсталости. В XVII веке экономическое развитие Швеции основывалось на производстве металла: стали, меди и в меньшей степени серебра, — для нужд более развитых европейских экономик, в первую очередь английской. Соответственно, шведская экономика нуждалась в значительных объемах древесного угля для работы плавильных [Sundberg 1992]. Частично древесина поступала с территории самой Швеции, которая лишь чуть менее Финляндии богата лесом, однако значительные объемы древесины поступали из Финляндии. Вырубка и продажа произраставшего на помещичьих землях леса служила надежным источником дохода для финляндских помещиков, лишая их мотивации к модернизации своих поместий.

Аналогично финляндские крестьяне и горожане, всегда имевшие возможность наняться на заготовку и сплав леса и заработать дополнительные деньги, не имели серьезной мотивации ни для модернизации своих крестьянских хозяйств, ни для смены сферы деятельности — например, для превращения из крестьянина в ремесленника или торговца. В результате в XVII веке, когда, например, в Англии происходили важнейшие социально-экономические перемены, на века определившие направление того процесса, который здесь называется модернизацией, в Финляндии ничего не менялось. Если бы в Финляндии XVII века были экономисты, знавшие о «ресурсном проклятии» [Гуриев & Сонин 2008], они могли бы предположить, что страну поразило именно оно. Мануфактуры, которые

в это время уже активно работали к югу от Балтийского моря, например в Прибалтике, в Финляндии отсутствовали. Вместо того чтобы самостоятельно производить ремесленные товары, Финляндия продавала лес, что обеспечивало ей средства не только для приобретения этих товаров, но и для приобретения предметов роскоши, каким был, скажем, кофе.

В XVIII веке значение древесины как энергоносителя снизилось из-за изобретения коксования каменного угля, которое обеспечило предприятия по всей Северной Европе — от Англии до Швеции — гораздо более эффективным источником энергии по сравнению с древесным углем. Финляндия разом освободилась от «ресурсного проклятия». При этом спрос на лес сохранился, только теперь лес требовался уже не в качестве энергоносителя, но в качестве материала для строительства, уже не круглый лес, но доски. В XVIII веке большинство лесопилок в шведском королевстве располагались вблизи Стокгольма: туда свозился круглый лес как с территории собственно Швеции, так и с территории Финляндии, и там круглый лес превращался в доски, которые затем вывозились в более развитые в промышленном отношении страны, в первую очередь в Англию. Когда в начале XIX века территория Финляндии перешла под контроль Российской империи, в Финляндии появились собственные лесопилки. Корпорация «Вяртсиля», одно из крупнейших промышленных предприятий и один из мировых лидеров в производстве энергетических установок и судовых двигателей, была основана в 1834 году как лесопилка.

Делались в Финляндии и попытки создавать предприятия в тех отраслях, которые стали локомотивом промышленной революции в Англии: текстильное производство и сталелитейная промышленность. Первое текстильное производство по английскому образцу было создано в Тампере шотландским инженером Дж. Финлейсоном, который, будучи квакером, не мог рассчитывать на равноправное к себе отношение среди деловой элиты в англиканской Англии, но смог стать одним из лидеров нарождающегося бизнеса в Финляндии, где большинство населения исповедовало протестантизм, а значимое меньшинство — православие, и потому в стране царила редкая для Европы XIX века атмосфера веротерпимости [Selleck 1962]. Аналогично и основатель корпорации «Вяртсиля» Н. Л. Арппе в XIX веке пытался работать в области сталелитейной промышленности, используя железную руду, месторождения которой были обнаружены на территории Финляндии. Впрочем, производство собственного железа в Финляндии сошло на нет к концу XIX века по мере истощения собственных запасов железной руды [Laine 1952].

Таким образом, Финляндия в XIX веке пыталась развивать те же отрасли промышленности, которым приписывается центральная роль в ускорении экономического развития в Англии в XVIII столетии, однако в Финляндии эти отрасли не стали локомотивами экономического роста. Изучение опыта Финляндии заставляет более внимательно отнестись к выводам, сделанным британскими экономистами К. Харли и Н. Крафтсом, по мнению которых в производстве шерстяных тканей и в сталелитейной промышленности в Англии в XVIII веке использовалось больше всего инноваций, однако вклад этих отраслей в экономический рост в стране был довольно скромным по сравнению с теми отраслями хозяйствования, в которых применялось меньше инноваций. Так, проведенный К. Харли анализ показывает, что в Англии XVIII века производство бумажных, льняных и шелковых тканей, которое, в отличие от производства шерстяных тканей, велось по старинке, переработка сельскохозяйственной продукции, включая помол муки и выпечку хлеба, пивоварение и винокурение, а также выделка кож обеспечивали больше дохода, чем отрасли, бывшие лидерами инноваций [Harley 1982].

Н. Крафтс синтезировал результаты анализа, проведенного К. Харли, с выводами целого ряда других исследований, проведенных английскими экономистами в 1970-е годы, что дало ему еще больше оснований усомниться в правильности представлений, согласно которым производство шерстяных тканей и сталелитейная промышленность как отрасли, в наибольшей степени затронутые промышленной революцией, и промышленная революция в целом стали локомотивами экономического роста в Англии в XVIII веке [Crafts 1983]. Таким образом, в британской экономической литературе представлены две точки зрения на роль промышленной революции, которые можно условно назвать революционной и модернизационной. С революционной точки зрения, наиболее последовательными сторонниками которой являются Ф. Дин и У. Коул [Dean & Cole 1967], важнейшую роль в экономическом росте в Англии в XVIII веке сыграла промышленная революция — короткий, но принципиально важный период в экономической истории страны.

В этот период удалось соединить техническое новшество — паровой двигатель — с мануфактурами — крупными ремесленными предприятиями, существовавшими и ранее. Мануфактуры, то есть предприятия, использовавшие преимущественно ручной труд наемных работников, превратились в «машинофакульты», то есть предприятия, использующие труд машин, приводимых в действие энергией пара, что способствовало

резкому увеличению производительности труда на отдельных предприятиях, а остальные предприятия поставило в положение «догоняющей» конкуренции: им было предложено либо тоже резко нарастить производительность труда путем замены ручного труда машинным, либо исчезнуть. И хотя сама промышленная революция оказалась весьма болезненной как для владельцев мануфактур, так и для работников, последовавший экономический рост в стране в целом компенсировал страдания тех, кому выпало жить в эпоху промышленной революции, но чьи дети и внуки смогли насладиться ее результатами.

Впоследствии наиболее промышленно развитым странам мира пришлось пережить еще две «промышленные революции», результатами которых стало повсеместное внедрение конвейерного производства, приводимого в действие уже не паром, но электричеством (в конце XIX — начале XX века), и внедрение роботизированного производства, способствовавшего резкому сокращению рабочего класса с одновременным ростом занятости в сфере услуг (во второй половине XX века). Сегодня — об этом будет сказано ближе к концу данного доклада — мир, возможно, стоит на пороге уже четвертой промышленной революции, связанной с переходом к экономике знаний. Таким образом, революционная точка зрения предполагает, что экономика развивается скачками, сопровождающимися социально-экономическими кризисами, которые заканчиваются по мере того, как население начинает ощущать выгоду от экономического роста, обусловленного очередным технологическим скачком.

В свою очередь, вторая точка зрения, которую продолжают отстаивать, несмотря на активную критику их подхода, Н. Крафтс и К. Харли [Crafts & Harley 1992] и которую можно назвать «модернизационной», отрицает принципиальную роль технологических скачков в обеспечении экономического роста. По их мнению, экономический рост в Англии в XVIII веке был достигнут не только за счет внедрения тех инноваций, которые были особо отмечены Ф. Дином и У. Коулом, в производство шерстяных тканей и сталелитейную промышленность, но за счет внедрения не замеченных ими «незначительных» инноваций в большинстве секторов экономики. Внедрение каждой из этих инноваций в свое время привело к скачку в конкретном секторе экономики, однако поскольку эти скачки не совпали по времени, то выделить одно или даже несколько десятилетий, в которые в Англии произошел «большой скачок», определивший тенденции экономического развития на последующее столетие, невозможно.

П. О'Брайен и К. Кейдер, разделявшие эту точку зрения еще до того, как Н. Крафтс и К. Харли смогли ее сформулировать в теоретическом плане, провели сравнительный анализ темпов экономического роста в XIX веке в Великобритании и во Франции [O'Brien & Keyder 1978]. Их анализ показал, что в Великобритании, где экономика развивалась под влиянием «большого скачка» промышленной революции XVIII века, и во Франции, где в XVIII веке «большого скачка» не произошло, зато и в XVIII, и в XIX веке внедрялось множество «незначительных» инноваций во многих секторах экономики, включая и традиционное сельское хозяйство, темпы экономического роста в XIX веке оказались практически одинаковыми. Изучение экономического развития Финляндии в XIX веке также демонстрирует, что ни в XVIII, ни в XIX веках здесь не произошло «большого скачка». Зато внедрялось огромное количество «незначительных» инноваций.

Так, в 1870-х годах норвежские лесные инженеры А. Холмсен, Г. Гутцайт и Т. Олсен положили начало строительству на финских реках желобов для спуска леса через пороги, что способствовало началу сплава леса из районов, откуда ранее сплавлять лес считалось невозможным, поскольку пороги разбивали сплавляемые бревна [Palo 2005, p. 73]. В 1880-е годы в Финляндии повсеместно распространились специальные сани с решетчатыми бортами для перевозки сена и соломы, что способствовало распространению практики заготовки сена не только для нужд собственного хозяйства, но и на продажу. А в начале 1890-х годов в Финляндии начали повсеместно внедряться сепараторы, позволяющие механически отделять молоко от образующихся на его поверхности сливок, что привело к резкому увеличению производства масла. Каждая из этих инноваций по отдельности едва ли сопоставима с соединением парового двигателя и мануфактуры, породившим английскую промышленную революцию, однако все они в совокупности способствовали экономическому росту в Финляндии во второй половине XIX века.

В XX веке внедрение инноваций, а следовательно — и экономический рост в Финляндии продолжился. Любопытно, что хотя среди тех, кто внедрял в Финляндии инновации, было много зарубежных инженеров, приехавших в Финляндию на заработки и в имперский период, и уже после провозглашения независимости, внедрение инноваций в финляндскую экономику, включая индустриализацию, происходило практически без использования иностранных инвестиций. Первоначально Финляндия не представлялась привлекательной для иностранных ин-

весторов. В начале 1920-х годов инвесторы опасались присоединения Финляндии к Советскому Союзу, что неизбежно повлекло бы национализацию всех предприятий, в том числе построенных на иностранные деньги. К концу 1920-х годов, когда инвесторы, казалось, поверили в стабильность Финляндии как независимого государства и некоторые из них оказались готовы инвестировать в эту страну, разразилась Великая депрессия, из-за которой у потенциальных инвесторов оказалось слишком мало денег, какие можно было бы вложить в экономику Финляндии.

В середине 1930-х годов, когда наиболее значимые последствия Великой депрессии оказались преодолены, в Германии пришли к власти нацисты, в результате чего началось британо-германское противостояние, притом что Финляндия активно торговала с обеими странами. Английские партнеры Финляндии опасались захвата финляндских предприятий немецким капиталом; не имея возможности и желая самим приобрести эти предприятия, они настоятельно рекомендовали правительству Финляндии ограничить немецкие инвестиции административно. В свою очередь, немецкие партнеры Финляндии, не имея возможности и желая приобрести финляндские предприятия, опасались их захвата английским капиталом, а потому также настоятельно рекомендовали правительству Финляндии ограничить административно английские инвестиции. В результате накануне начала Второй мировой войны Финляндия законодательно ввела ограничения на любые иностранные инвестиции, которые Х. Дж. Чанг в своем сравнительном исследовании финляндской и ирландской моделей «экономического чуда» характеризует как «драконовские» [Chang 2004, p. 697].

После окончания Второй мировой войны Финляндия не только не отменила ограничения на деятельность в стране иностранных инвесторов, введенные накануне войны, но эти меры были даже ужесточены. В результате, если основными инвесторами в финляндскую экономику в 1920-е и 1930-е годы были сами финляндские предприятия, то в послевоенный период основным инвестором в стране стало государство. Ограничения на иностранные инвестиции были отменены лишь в 1990-е годы, когда Финляндия взяла курс на присоединение к Европейскому союзу. Вступление Финляндии в Евросоюз в 1995 году способствовало притоку иностранных инвестиций; в рекордный для страны по этому показателю 2000 год приток иностранных инвестиций превысил 10 % ВВП [World Bank 2021]. Однако после короткого периода активного притока иностранных инвестиций, обусловленного эффектом «открытия» страны, приток инвестиций в Финляндию замедлился, особенно

после мирового финансового кризиса 2008 года. И если в XIX веке основные инвестиции в зарождающуюся финляндскую промышленность поступали главным образом от доходов предприятий сельского и лесного хозяйства, то в XX и в начале XXI века финляндская промышленность развивала сама себя.

Модернизация банковских клерков

Модернизация сельского и лесного хозяйства, индустриализация и дальнейшая модернизация промышленного производства в совокупности привели к резкому росту производительности труда в Финляндии в XIX и XX веках, благодаря чему страна из «края Земли» (топоним «Финляндия» появился в шведском языке после завоевания этой страны шведскими крестоносцами для обозначения «финальной земли», дальше которой уже нет жизни) превратилась в одну из наиболее развитых мировых экономик. Тому способствовали те же три фактора, которые, по мнению Р. Гордона, немного раньше, чем в Финляндии, привели к резкому росту производительности труда в США: капитал, образование и технологии [Gordon 2017]. Данное заявление не означает, впрочем, что в любой стране начнется модернизация, если дать ей капитал, образование и технологии. Для начала модернизации необходимо, чтобы эти три фактора в совокупности сформировали между элитой и народом, между крестьянами и помещиками, а после начала индустриализации — также и между промышленниками и рабочими, между промышленниками и помещиками, наконец, между крестьянами и рабочими — такую систему взаимоотношений, которая привела бы к возникновению у большинства представителей каждой из перечисленных групп стремления к улучшению своей жизни, к модернизации.

Как и сама модернизация, капитал — это не вещь, но процесс. В частности, К. Маркс предписывал воспринимать капитал не как вещь, но как «определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» [Маркс 1961, с. 380–381]. Выше уже говорилось о том, как скудость сельскохозяйственных земель в Финляндии заставила помещиков отказаться от барщины в пользу оброка, что обусловило становление особого типа отношений между финляндскими помещиками и крестьянами, ставшего фактором модернизации сельско-

го хозяйства. Здесь нельзя не сказать о том, как замена натурального оброка денежным, фактически превратившая глав крестьянских хозяйств в арендаторов земли, в более поздний период стала не только очередным толчком для модернизации сельского хозяйства в стране, но и подготовила почву для индустриализации.

Замена натурального оброка денежным началась в Финляндии еще во времена шведского владычества, в XVII веке. В результате в первой половине XIX века в стране сложился класс торпарей — фермеров, которые брали в аренду у помещиков крупные земельные наделы, нанимали крестьян для обработки этих наделов, а после сбора урожая, продажи его части и выплаты заработной платы работникам — выплачивали помещикам арендную плату [Лайдинен 1987]. Во времена шведского владычества основным платежным средством был шведский риксталер, выпускавшийся в виде серебряных и медных монет (золота в Швеции в начале Нового времени было мало), также шведские банки одними из первых в Европе (из-за все той же нехватки металлов для печатания монет) начали выпуск банкнот. Несмотря на очевидные преимущества денежного оброка по сравнению с натуральным, дальнейшее распространение такой практики тормозилось из-за нехватки денежной массы. Ситуацию не исправил и тот факт, что после вхождения Финляндии в состав Российской империи здесь начали ходить (параллельно с риксталерами) русские ассигнации и серебряные рубли — их по-прежнему было мало.

Денежная масса выросла лишь во второй половине XIX века, когда Финляндия начала печатать собственные деньги — финские марки. Увеличение денежной массы привело к росту численности крестьян, желавших взять надел в аренду. В результате все больше финских крестьян оказалось вовлечено в процесс, который Г. Зиммель определяет как «процесс образования ценности», не возникающий, по его мнению, автоматически в тот момент, когда крестьянин получает возможность насладиться возможностью распоряжения неким количеством продуктов и товаров кустарного производства в обмен на некое количество труда, которое он затрачивает на выращивание этих продуктов и производство этих товаров, но который возникает лишь «с нарастанием дистанции между наслаждающимся и причиной его наслаждений» [Зиммель 2015, с. 177]. Оказавшись в ситуации, когда он был вынужден обменять часть урожая на деньги с целью расплатиться с помещиком и нанятыми работниками, финский крестьянин получил гораздо больше, чем просто возможность самостоятельно распорядиться излишком денег, — он получил возможность выбора.

Финский крестьянин обрел не только возможность выбора предметов первой необходимости, а изредка — даже предметов роскоши (включая кофе, постепенно превратившийся для финнов из предмета роскоши в предмет первой необходимости), которые он смог бы себе позволить в обмен на образовавшийся у него излишек денег. Также финский крестьянин получил возможность выбирать способ хозяйствования — например, выбирать между наймом дополнительных работников и механизацией (пусть и примитивной в XIX веке), выбирать между выращиванием традиционной ржи и (если тому благоприятствуют особенности арендуемого участка земли) организацией заливных лугов и приобретением нескольких коров за счет все тех же излишков денег. Р. Аллен утверждает, что промышленная революция произошла именно в Англии благодаря высокому уровню реальных заработных плат английских работников по сравнению с работниками в странах по другую сторону Ла-Манша [Аллен 2014].

Действительно, высокий уровень зарплат заставил владельцев английских мануфактур искать пути механизации своих предприятий, чтобы нанимать меньше работников, что в конечном итоге, возможно, и привело к тому, что в Англии произошла промышленная революция, а это позволило ей опередить Францию и Голландию, не говоря уже о Финляндии и России, по темпам индустриализации. Но в Финляндии в начале XIX века вообще не было мануфактур, в отличие, повторюсь, от соседних Прибалтийских губерний той же Российской империи. Однако сам факт того, что в XIX веке финские крестьяне получили возможность зарабатывать деньги, не выезжая в город (в том числе в Санкт-Петербург, хотя многие финны в поисках лучшей жизни переехали в столицу империи в XIX веке), стал важнейшим фактором модернизации финляндского сельского и лесного хозяйства, а со временем — и индустриализации.

Аналогичные процессы в конце XX века происходили в беднейших странах третьего мира. Дж. Бхагвати в своей книге «в защиту» транснациональных корпораций признает справедливость тех антиглобалистов, кто утверждает, что в странах третьего мира транснациональные корпорации используют детский труд, в то время как место детей — в школе [Bhagwati 2004, p. 68–73]. Однако альтернативой для этих детей является не учеба в школе, но сельскохозяйственный труд на семейных фермах, который вообще не оплачивался бы. А с появлением в таких странах транснациональных корпораций растет денежная масса, причем часть ее (в том числе в виде заработной платы детей, работающих на принад-

лежащих этим корпорациям предприятиях) попадает в руки беднейших семей, наделяя их правом выбора: оставить ребенка в деревне помогать на семейной ферме без оплаты, отправить его на заработки на фабрику или отправить его учиться в школу.

В Финляндии XIX века транснациональных корпораций не было, и прирост денежной массы осуществлялся в основном за счет модернизации сельского хозяйства. Это не объясняет, однако, почему, например, в Испании в начале Нового времени не произошла модернизация сельского хозяйства, хотя денежной массы там благодаря притоку золота и серебра из колоний было предостаточно. Случай Испании показывает, что избыток денежной массы так же мешает модернизации, как и ее недостаток. Подобно гипотетическому крестьянину из далекого прошлого, описанному Д. Гребером [Гребер 2015], реальный финский крестьянин XIX века брал участок земли у помещика в долг. Так же в долг он нанимал и работников, обещая им расплатиться после сбора урожая. Работники, в свою очередь, приобретали необходимые им товары в долг, обещая расплатиться, когда они получают свою плату за работу после сбора урожая.

Когда урожай был собран и продан, крестьянин получал возможность расплатиться с помещиком и работниками, которые могли заплатить свои долги. А поскольку модернизация сельского хозяйства приводила к постоянному приросту производимого продовольствия, то денежная масса также должна была непрерывно расти, чтобы эта система могла и дальше нормально функционировать, не приводя к массовому разорению ни торпарей-арендаторов, ни помещиков, ни наемных работников. Если бы денежная масса не увеличивалась, то модернизация сельского хозяйства, приводящая к производству дополнительных объемов продовольствия, не могла бы происходить, поскольку эти дополнительные объемы продовольствия было бы некому и не за что покупать.

Регулированием объема денежной массы в Великом княжестве Финляндском занимался Банк Финляндии. Вхождение территории Финляндии в состав Российской империи потребовало перевода всех финансовых операций в стране со шведских талеров на русские рубли. Однако в это время в самой России не было центрального банка, который мог бы открыть отделение в Финляндии и заняться решением данной задачи. Поэтому была учреждена «меновая, заемная и депозитная контора» [Kuusterä & Tarkka 2011, vol. 1, p. 109] Великого княжества Финляндского, ставшая четвертым в Европе центральным банком из ныне действующих — после английского, французского и шведского. В отсутствие

в Финляндии коммерческих банков государственный банк, естественно, занял центральное место в финансовой системе страны: сюда стекались средства финляндских помещиков, складывающиеся из арендных платежей торпарей, и средства, вырученные от экспорта леса, государственный банк выполнял функцию казначейства Сената — правительства страны, и в нем же финляндские землевладельцы могли получить заем на модернизацию своего хозяйства, а первые финляндские промышленники — на постройку лесопилки.

Хотя государственный банк появился в Финляндии практически одновременно с появлением Великого княжества Финляндского, окончательный вывод шведских ассигнаций из оборота и замена их на российские занял несколько десятилетий. Отказ от шведских денег прошел для Финляндии безболезненно, в том числе из-за слабости шведской валюты: денежная реформа, благодаря которой в Швеции был введен золотой стандарт (шведская золотая монета получила название «дукат», ее ценность составила восемь с половиной серебряных риксталеров), была проведена лишь в 1856 году [Seyd 1868, p. 326–328], за четыре года до подписания императорского (российского) указа об изменении денежной единицы на землях Великого княжества Финляндского [Talvio 2003, s. 32], фактически введившего в оборот собственную валюту Финляндии — финляндскую марку. Первоначально финляндская марка была привязана к серебряному рублю, но в конце 1860-х годов был осуществлен переход к серебряному, а в конце 1870-х годов — к золотому стандарту. Для сравнения: в России государственный банк появился лишь во времена Александра II, а золотой стандарт был введен только во времена Николая II.

Как и большинство европейских центробанков, Банк Финляндии был вынужден отказаться от золотого стандарта в годы Первой мировой войны. Однако после окончания войны, революции в России и в Финляндии, провозглашения независимости Финляндии и гражданской войны 1918 года Финляндия под влиянием своего основного внешнеторгового партнера Великобритании объявила курс на скорейший возврат к золотому стандарту. Правда, вернуться к золотому стандарту удалось лишь в 1926 году благодаря усилиям главы Банка Финляндии Р. Рюти, будущего президента страны. Начало Великой депрессии породило дефляцию, которая завершилась лишь с отказом от золотого стандарта в 1931 году. Отказ от золотого стандарта ожидаемо вызвал инфляцию, которая, впрочем, замедлилась после решения Банка Финляндии о привязке финляндской марки к фунту стерлинга [Kuusterä & Tarkka 2011, vol. 1,

р. 525]. Цены и курс марки оставались стабильными вплоть до 1937 года. Однако затем активные приготовления к новой войне, которые начали большинство западных стран, привели к росту цен на лес, стоимость как экспорта, так и импорта Финляндии выросла, что привело к новой волне инфляции, продолжавшейся вплоть до начала Второй мировой войны.

После окончания Второй мировой войны Банк Финляндии в полной мере воспользовался своим правом регулировать курс национальной валюты ради стимулирования промышленного производства и экспорта промышленных товаров. В конце 1940-х годов он резко увеличил денежную массу и выдал значительные по объему кредиты правительству. Марка была девальвирована, что позволило привести в соответствие растущий объем денежной массы и поступление валюты из-за рубежа в результате экспорта леса. Правительство, в свою очередь, закупило необходимое оборудование и построило множество промышленных предприятий, которые произвели станки и другое оборудование, поставленные в СССР в рамках послевоенных репараций [Heikkilä 1989]. Когда репарационные поставки были выполнены, правительство приватизировало эти предприятия, что потребовало вновь увеличить денежную массу, чтобы банки смогли выдать кредиты тем финляндским промышленникам, кто хотел поучаствовать в приватизации. Правительство же получило возможность расплатиться по взятым ранее кредитам.

В конце 1950-х годов марка была вновь девальвирована; это привело к уменьшению импорта и увеличению потребления станков и оборудования финляндского производства, благодаря чему интерес финляндских промышленников к участию в приватизации предприятий, производящих эти товары, только вырос. Денежная масса вновь была увеличена, что позволило выдать кредиты потенциальным потребителям финляндских станков и оборудования — производителям потребительских товаров [Jäntti & Vartiainen 2009]. Промышленники, взявшие кредиты для участия в приватизации 1950-х годов, смогли расплатиться со своими долгами. Марка была вновь девальвирована, что стимулировало экспорт потребительских товаров из Финляндии в другие западноевропейские страны, благодаря чему внешнеторговый баланс Финляндии из отрицательного стал положительным. Денежная масса вновь была увеличена, что в сочетании с банковской реформой 1970-х годов помогло существенно увеличить объем кредитования уже конечных потребителей потребительских товаров — физических лиц.

Финляндские производители потребительских товаров смогли расплатиться с взятыми ранее кредитами; правда, Финляндия благодаря

доступным кредитам для физических лиц стала одной из самых дорогих стран Европы. Следствием чрезмерного потребления физических лиц стал кризис массовых неплатежей, в ответ на который Банк Финляндии прибег к уже не раз опробованному средству — к девальвации национальной валюты [Honkarhoja & Koskela 1999]. Это вновь сделало производимые в Финляндии товары, включая массово распространенные среди финнов в 1990-е годы сотовые телефоны, конкурентоспособными на рынках других европейских стран. Приток валюты благодаря экспорту позволил Банку Финляндии вновь увеличить денежную массу, а финляндским банкам — выдать новые кредиты как производителям, так и потребителям. В 1990-е годы Финляндия присоединилась к Европейскому союзу, что, с одной стороны, способствовало увеличению экспорта товаров в другие европейские страны, а с другой — привело к отказу страны от национальной валюты и переходу на евро в начале XXI века.

И когда в Финляндии начали сказываться последствия мирового финансового кризиса 2008 года, Банк Финляндии более не располагал возможностью привычно девальвировать национальную валюту ради стимулирования промышленного производства и экспорта; соответствующее решение теперь могло быть принято исключительно на уровне всей еврозоны [Jackson 2010]. Таким образом, Банк Финляндии сыграл ключевую роль в модернизации Финляндии на протяжении двух веков, обеспечивая достаточное предложение кредита для всех экономических субъектов, готовых разделить с ним риск внедрения инноваций в сельское хозяйство и промышленность. Недаром именно М. Койвисто, возглавлявший Банк Финляндии в 1970-е годы, был избран президентом страны после отставки У. Кекконена. Благодаря Банку Финляндии в XX веке Финляндия стала одной из наиболее быстро развивающихся экономик мира. Сможет ли Европейский центробанк сыграть для экономики Европы аналогичную роль в XXI веке, обеспечив достаточное предложение кредита для быстрого экономического роста путем внедрения инноваций, покажет время.

Модернизация изобретателей

Вторым после капитала фактором модернизации в Финляндии стали технологии. Модернизация представляет собой длительный процесс внедрения инноваций в сельское хозяйство и ремесленное производство, со временем превращающееся в промышленное производство, которое

начинает производить товары, способные сделать как сельское хозяйство, так и промышленное производство еще более эффективным: от маслобоек до промышленных роботов. Однако откуда эти инновации берутся? Дж. Мокир утверждает, что массовым внедрением инноваций в Европе в XVIII и XIX веках мы обязаны Просвещению [Мокир 2017]. По его мнению, в Европе XVII века началась научная революция, то есть резко возросло число ученых, которые, опираясь на результаты эмпирических наблюдений, опровергли целый ряд распространенных ранее среди как элит, так и простого населения представлений о том, как устроен этот мир. Например, в Средние века большинство как элит, так и простого населения было убеждено, что Солнце вращается вокруг Земли.

Однако в Новое время благодаря стараниям ученых среди европейцев распространилась точка зрения, что на самом деле Земля вращается вокруг Солнца. Впрочем, от распространения всеобщей убежденности, что именно Земля вращается вокруг Солнца, до внедрения маслобоек в Финляндии арендаторами помещичьих земель был пройден немалый путь. В XIX веке ученые-астрономы не конструировали маслобок, и тем более не запускали их в массовое производство. И сегодня едва ли следует ожидать от физика-теоретика способности собрать двигатель внутреннего сгорания, хотя «в теории» устройство такого двигателя ему известно. И сейчас далеко не все открытия, производимые учеными, востребованы бизнесом. Д. Чарницкий, К. Хассингер и С. Шайдер, анализируя судьбу патентов, созданных в университетах в начале XXI века, указывают, что те патенты, которые способны были принести прибыль в краткосрочной перспективе, были приобретены промышленными предприятиями, в то время как те, которые обещали прибыль лишь в долгосрочной перспективе, остались в общественной собственности [Czar-nitzki, Hussinger & Scheider 2012].

Едва ли следует ждать от землевладельца, преуспевшего во внедрении передовых сельскохозяйственных технологий на своей земле и получившего благодаря этому более высокий по сравнению с соседями доход от продажи произведенных им продовольственных товаров, что он забросит сельское хозяйство и вместо этого построит на своей земле фабрику по производству тех передовых сельскохозяйственных технологических устройств, которые способствовали его успеху в выращивании рекордного урожая. Исключения, разумеется, встречаются, в том числе в Финляндии. Так, в середине XX века финский фермер А. Лехти не только придумал размещать светоотражатели на своих лошадях и телегах ради безопасности в темное время суток, но и установил у себя на ферме

машину для литья под давлением, чтобы производить и продавать светоотражатели для транспорта, а позднее — и для одежды. Созданная им компания «Талоусмуови», более известная как «Талму», сыграла решающую роль в распространении размещенных на одежде светоотражателей не только в Финляндии, но и во всей Европе [Koivurova 2022, p. 68].

Однако этот пример — скорее, исключение; в большинстве же случаев успешный фермер, очевидно, так и останется успешным фермером и не пожелает превратиться в посредственного промышленника. Именно поэтому выше подчеркивалась роль в модернизации банков, то есть тех организаций, куда успешный фермер положит излишки своих доходов от продажи произведенных им продовольственных товаров и откуда изобретатель возьмет эти деньги в кредит на постройку фабрики, где будут создаваться те самые передовые технологические устройства, которые помогут фермеру произвести еще больше продовольствия и продажа которых поможет изобретателю вернуть кредит. Аналогично едва ли следует ожидать, что каждый успешный ученый станет успешным изобретателем, который сумеет сконструировать востребованное устройство, а тем более извлечь из продажи этого устройства прибыль. Например, финские студенты К. Нюберг, Т. Рантанен, К. Суоминен и К. Сюдянмаанлакка, создавшие в 1992 году первый интернет-браузер с графическим пользовательским интерфейсом «Эрвайз», так и не смогли запустить его в продажу [Ryan 2010, p. 108].

Примеры ученых, ставших одновременно изобретателями и предпринимателями, можно обнаружить за пределами Финляндии. Так, Э. Аббе, директор Йенской астрономической и метеорологической обсерватории в конце XIX века, изобрел апохроматические линзы, применяющиеся в микроскопах, и благодаря этому стал совладельцем компании «Карл Цайсс» [Klemm & Knoepffler 2007]. И сегодня, как обнаруживают С. Бреши и К. Каталлини [Breschi & Catalini 2010], распространены так называемые «авторы-изобретатели», которые, с одной стороны, работают на промышленных предприятиях в подразделениях, занимающихся внедрением в массовое производство инновационных технологий, а с другой — активно публикуются в научной периодике, служа связующим звеном между мирами академической науки и высокотехнологичного производства, причем их число в США много больше, чем в Европе. Однако в Европе в эпоху научной революции даже те ученые, которые не стали изобретателями и предпринимателями, смогли, по мнению Дж. Мокира, вдохновить изобретателей сконструировать, а предпринимателей — запустить в массовое производство устройства,

способствовавшие модернизации сельского хозяйства и зарождающейся промышленности.

При этом в Европе XIX века ученый, вдохновивший изобретателя, мог проживать в одной стране, сам изобретатель — в другой, а предприниматель, который запустил бы его изобретение в массовое производство — в третьей, причем ни для одного из них та страна, в которой они сделали свои открытия, опробовали свои изобретения и создали свое производство, могла не быть их родной страной. В этих условиях не вызывает удивления, что во Франции в XVIII веке было больше всего в Европе университетов и ученых, первая паровая машина была создана фламандским ученым Ф. Вербистом, работавшим при китайском императорском дворе, вторая — французским ученым Д. Папеном, однако использование паровых машин в промышленности началось в Англии, породив промышленную революцию, значение которой для развития Англии в XIX веке, впрочем, как было показано выше, оспаривается целым рядом английских же экономистов.

Дж. Даймонд в своем объяснении, почему именно в Европе произошла модернизация, позволившая европейцам опередить остальной мир, особо подчеркивает значение распространения технологий в условиях, когда естественные географические барьеры для этого в Европе, в отличие от Африки и обоих Американских континентов, были незначительными [Diamond 1999, p. 416]. Теоретически, продолжает он, в Китае естественные географические барьеры для распространения технологий были еще меньше, чем в Европе, однако слишком незначительные естественные географические барьеры так же плохи для распространения технологий, как и слишком значительные. В Китае благодаря незначительным естественным географическим барьерам сложилось единое государство, в котором решение одного деспота не только могло, но и не раз на практике останавливало внедрение инноваций. В Европе же естественные географические барьеры были, с одной стороны, достаточно значимыми, чтобы воспрепятствовать возникновению единого государства, а с другой стороны — не слишком значительными, чтобы воспрепятствовать распространению технологий между европейскими странами.

Благодаря проницаемости европейских границ Х. Колумб мог родиться в Генуе, обучаться в университете в Павии, то есть на землях Миланского герцога, узнать о теоретической возможности достичь Индии морским путем, отправившись из Европы не на восток вокруг Африки, но на Запад, от астронома П. Тосканелли, работавшего в университете

в Падуе, то есть на землях Венецианской Республики, долго жить в Португалии, однако средства на свою экспедицию, прославившую его как величайшего европейского первооткрывателя, получить у короля Кастилии [Benge & Benge 2005]. Однако благодаря естественным географическим барьерам в Европе Светлейшая Генуэзская Республика (а равно — и ни одно другое европейское государство) не смогла установить свою власть над всей Европой, потому что если бы она это сделала, то Х. Колумбу было бы негде получить средства на свою экспедицию и, возможно, Америка была бы открыта европейцами намного позже.

Ни одна европейская нация не смогла бы создать всех тех инноваций, которые обусловили европейскую модернизацию. Этого было и не нужно: ведь представляется крайне неразумным в XIX веке финнам заново изобретать маслобойку, если она ранее была уже изобретена в другой стране. Достаточно внедрить ее в большинстве крестьянских хозяйств, где есть коровы, а также создать в стране собственное производство маслобоек, да и то лишь в том случае, если создание собственного производства в Финляндии сможет сделать маслобойки для финляндских крестьян дешевле, чем если бы они привозились из-за рубежа. При этом привезти первую маслобойку в Финляндию или создать в стране их производство мог либо финн, увидевший ее во время своих заграничных путешествий, либо иностранец, приехавший в Финляндию, где маслобойки еще не были распространены в достаточной мере, чтобы заработать деньги на их производстве и продаже. Среди крупнейших предприятий современной Финляндии можно с ходу назвать дюжину компаний, созданных в XIX веке иностранцами.

Старейшим не только в Финляндии, но и во всей Европе ныне действующим предприятием является компания «Фискарс» — производитель металлических инструментов. Ее основал голландец П. Торвесте в середине XVII века, получивший от шведской королевы Кристины патент на постройку доменной печи в деревне Фискарс, расположенной примерно на полдороге между современными Хельсинки и Турку [Holmberg 1992, p. 42]. Однако большинство финляндских компаний, работающих в настоящее время и созданных иностранцами, были основаны в XIX веке. Так, крупнейшая сегодня в Финляндии пивоварня «Синебрюхофф» была основана русским предпринимателем Н. Синебрюховым в Хельсинки в 1819 году, всего через десять лет после присоединения Финляндии к Российской империи [Иванов 2003, с. 67]. Первая в Финляндии ткацкая мануфактура, основанная в 1820 году в Тампере шотландцем Дж. Финлейсоном, уже упоминалась выше. В 1862 году предпринима-

тель из германского Любека Г. Ф. Стокманн основал торговый дом, и сегодня называющийся его именем [McKenzie & Dukeov 2015, p. 192].

В 1872 году уже упоминавшийся норвежский лесной инженер Г. Гутцайт, чей отец переехал в Норвегию из Восточной Пруссии, основал собственную лесопилку в Котке, которая впоследствии выросла в крупнейшее целлюлозно-бумажное предприятие Финляндии «Стура Энсе». В 1876 году немецкий предприниматель Г. Паулиг основал компанию, которая до сих пор носит его имя и является сегодня одним из крупнейших в стране предприятий агропромышленного сектора, известным в первую очередь благодаря одноименной марке кофе [Sorsa 2018, p. 95]. Наконец, в 1891 году родившийся в Финляндии в семье иммигранта из Швейцарии К. Фацер основал свою «франко-русскую кондитерскую» в центре Хельсинки, которая сегодня также является одним из крупнейших в стране предприятий агропромышленного сектора. Шоколад марки «Фацер» в синей упаковке в XX веке превратился в один из национальных символов Финляндии, неизменно вызывающий интерес потребителей из числа финнов, проживающих за рубежом, что способствует его популярности далеко за пределами Финляндии [Lemmetti & Tuominen 2017].

Справедливости ради следует отметить, что не только модернизация в Финляндии стала возможна благодаря многочисленным иностранцам, привезшим в эту страну ранее неизвестные здесь инновации из других европейских стран, но и многочисленные финны, покидавшие свою страну в XIX — первой половине XX веков, привезли с собой в те страны, где они нашли себе новый дом, немало инноваций, основанных на финском опыте. Так, родившийся в финляндской Остроботнии О. Вирккала, вслед за своей семьей уехавший в США в конце XIX века, до эмиграции работал, как и многие финны, на лесозаготовках. Поселившись в штате Вашингтон, где лесное хозяйство в конце XIX века, как и в Финляндии, было одним из быстро развивающихся секторов экономики, О. Вирккала запатентовал не только изобретенный им способ валки деревьев, способствовавший существенному увеличению эффективности лесозаготовок, но и семнадцать прочих изобретений, включая морской винт особой конструкции.

Важнейшей позитивной особенностью инновационных технологий является то, что, будучи изобретенными в одной стране, они не перестают использоваться в этой стране, когда их начинают использовать в другой стране. Здесь нельзя не отметить патентное право, которое помогает изобретателям получать вознаграждение за их изобретения, даже если их начинают использовать предприниматели, не связанные с изобретателем,

в том числе из других стран. Патентное право появилось в Швеции еще когда территория Финляндии была ее частью, и на момент, когда эта территория вошла в состав Российской империи, в России уже тоже действовало патентное право, созданное по аналогичному образцу. Поэтому здесь патентное право не будет рассматриваться в качестве значимого фактора, способствовавшего модернизации Финляндии в XIX и XX веках. Ведь с учетом того, что значимая часть технологий, необходимых для модернизации, приходит в любую страну из-за рубежа, для модернизации требуется не патентное право, ограничивающее распространение технологий, а надо держать границы открытыми, чтобы нужные технологии могли попасть в данную страну в наиболее подходящее для этого время.

Модернизация школьных учителей

Третьим после капитала и технологий фактором модернизации Финляндии стало образование. Причем не элитарное образование, символом которого являются университеты, но образование массовое, символом которого являются школы. Конечно, очень важным с точки зрения модернизации Финляндии представляется и тот факт, что уже в 1640 году, когда территория Финляндии входила в состав Шведского королевства, в Турку, игравшем тогда роль провинциального административного центра, был основан университет. Не менее важным представляется и тот факт, что когда в 1827 году, уже после вхождения Финляндии в состав Российской империи, университет сгорел вместе с большей частью города, у власти в России находился Николай I, а не, например, Петр I. Ведь последний прославился не только тем, что в 1724 году он создал университет в Санкт-Петербурге, но и тем, что одновременно он закрыл университет в Эстонии (первоначально открытый в Тарту, университет переехал в Пярну в 1699 году), который был там открыт даже раньше, чем университет в Турку, в 1632 году [Pick 1946]. Сторонник централизации во всех ее аспектах, Петр I полагал, что в единой империи должен быть один университет — в Санкт-Петербурге.

В отличие от своего предка Александр I полагал, что университетов в великой империи должно быть много, и в 1802 году он возродил университет в Тарту, а в 1804 году подписал Устав Московского университета, даровавшего не только ему, но и всем университетам России права автономии по аналогии с немецкими университетами [Тарасова 2018]. В 1809 году, когда Финляндия была присоединена к Российской импе-

рии, Александр I даже и не подумал уничтожить университет в Турку. Более того, когда университет в Турку был уничтожен пожаром, царь выделил средства на восстановление университета, правда, с двумя условиями: университет должен был переехать в новый административный центр Великого княжества Финляндского Хельсинки и получить название в честь российского императора — Александровская академия. Новый университет сыграл огромную роль в модернизации Финляндии, поскольку именно в его стенах получили образование многие представители финляндской интеллигенции, включая будущих чиновников и предпринимателей, способствовавших модернизации сельского хозяйства и нарождающейся промышленности.

Университет стал местом работы финляндских ученых, большинство из которых не стали изобретателями, создавшими те инновации, внедрение которых в сельское хозяйство и нарождающуюся промышленность страны направило ее развитие по пути модернизации, но работа этих ученых, подобно работе их коллег из других европейских стран, вдохновила финских (и не только финских) изобретателей на создание инноваций, как то было показано выше. В конце концов, без университета Финляндии было бы негде взять достаточное количество школьных учителей, чтобы создать систему массового образования, значение которого для модернизации представляется не меньшим, чем значение науки. Ведь для модернизации нужны не только лидеры — готовые внедрять инновации землевладельцы и предприниматели, — но и их последователи среди рабочих и крестьян. Недаром Р. Коллинз в своем анализе модернизации в Пруссии и в Германии в целом XIX века подчеркивал важную роль в этом процессе не только немецкой бюрократии, но и обязательного школьного образования [Коллинз 2015].

За четверть века до Р. Коллинза к похожим выводам пришел и британский историк Т. Ниппердэй, обнаруживший прямую связь между массовым образованием и модернизацией в Пруссии [Nipperday 1977]. При этом он подчеркивал, что модернизация оказалась, скорее, случайным следствием внедрения в Германии всеобщего обязательного образования, нежели следствием целенаправленной политики прусских королей. Прусские короли мечтали не о модернизации, а о лояльности собственного населения. Преимущественно домашнее образование, практиковавшееся в Пруссии до XVIII века, способствовало распространению либеральных идей среди населения, следствием чего стали события 1849 года, когда народные восстания охватили всю Европу, не исключая и Пруссию. Ответом на этот вызов стало обязательное

школьное образование, благодаря которому обучением подрастающего поколения занялись не родители и приглашенные ими учителя, воспитывавшие в своих учениках свободомыслие, но школьные учителя, которые в соответствии с государственной образовательной программой смогли бы воспитать в учениках подчинение авторитетам.

В Великобритании, США, Австралии и Новой Зеландии массовое образование также способствовало не только экономическому росту, но и росту социальной сплоченности [Thomas 2005]. Другое дело, что те лидеры, кто активно способствовал внедрению массового образования в англоязычных странах, стремились в первую очередь к экономическому росту, и уже во вторую очередь — к социальной сплоченности. Однако социальная сплоченность нужна не только государственной машине, заинтересованной в том, чтобы граждане поменьше бунтовали, но и экономике, для которой важно, чтобы работники максимально точно выполняли инструкции своих руководителей. Д. Холзингер и Г. Тисен подчеркивают значение для модернизации тех психологических изменений, которые произвела школа со своими учениками [Holsinger & Thiesen 1977]. Благодаря массовой школе бывшие крестьяне, принимавшие непосредственное участие в выращивании урожая в течение всего этого процесса от распашки поля до обмолачивания собранных зерен, превратились в фабричных рабочих, отвечающих лишь за одну функцию на своем участке конвейера.

К тому же в школе дети учились читать и поэтому получали возможность в деталях постигать инструкции своих руководителей, когда из школьников превращались в фабричных рабочих. В этом заключается основное отличие между университетским и школьным образованием. Университетским образованием занимаются ученые, основной задачей которых, с точки зрения роли университетов для модернизации, является подготовка изобретателей — то есть людей, которые будут создавать новые способы производства, отличные от тех, какие были известны ранее, чтобы модернизация могла продолжаться. При этом не меньшее значение, чем непосредственное взаимодействие ученых и студентов в университетах, имеет научная работа университетских преподавателей, вдохновляющая на изобретения даже тех изобретателей, кто непосредственно не обучался у конкретных ученых. Школы же создают идеальных исполнителей, то есть людей, способных выполнять инструкции, составленные изобретателями.

Лютеранская религия с ее стремлением сделать Библию понятной для простых людей, переведя ее с латинского на «народные» языки, не-

сомненно, имела серьезное значение в распространении массового образования. Так, важную роль для модернизации Финляндии сыграл ученик М. Лютера, епископ из Турку М. Агрикола, который в XVI веке перевел Библию на финский язык, для чего ему потребовалось создать финский алфавит на основе шведского. Стоит также отметить деятельность и другого епископа, Й. Гезелиуса, создавшего первую азбуку на финском языке. Церковь не менее активно, чем светские организации, занималась в XIX веке печатанием книг на финском языке, причем издание книг церковью в меньшей степени было подвержено негативному влиянию цензуры. Однако само по себе наличие алфавита, азбуки и литературы, включая Библию, не способствует распространению массового образования в условиях, когда обучение в большинстве школ даже после отделения территории Финляндии от Швеции и ее присоединения к Российской империи продолжало вестись на шведском языке. Так, в 1870 году во всей Финляндии было лишь четыре школы на финском языке для мальчиков, и ни одной — для девочек [Latoma & Puolijärvi 2002, p. 117].

Школы на финском языке, который был родным для большинства населения, начали активно создаваться лишь в 1870-х годах, что привело к резкому снижению безграмотности среди населения уже к 1880 году — первому году, когда финляндские чиновники начали вести статистику грамотности населения. Среди лютеранского населения Финляндии в 1880 году чуть более 1 % заявили, что они не умеют ни читать, ни писать [Lehmuskallio 1983]. Среди православного населения страны не умели ни читать, ни писать более половины. Однако среди грамотного лютеранского населения более 80 % умели только читать, и лишь 12 % умели и читать, и писать. Среди православного же населения доля тех, кто умел и читать, и писать, была даже выше, чем тех, кто умел только читать; кроме того, больший процент православного населения умел и читать, и писать, чем среди лютеранского населения.

К концу XIX века школы на финском языке появились практически в каждой деревне, а чтение стало одним из излюбленных способов проведения досуга для большинства финнов [Mäkinen 2015]. В результате к 1910 году доля умеющих и читать, и писать среди лютеранского и православного населения Финляндии сравнялась, причем она превысила половину населения в обеих группах. В 1921 году четырехлетнее начальное школьное образование стало обязательным, благодаря чему доля тех, кто умел и читать, и писать среди лютеранского населения выросла к 1930 году до 84 %, обогнав аналогичный показатель для православного

населения, который составил всего 76 %. В последующие сорок лет Финляндия достигла стопроцентной грамотности, а продолжительность обязательного образования выросла с четырех до шести лет. В 1970-х годах продолжительность обязательного школьного образования (которое теперь перестало называться «начальным» и уже называлось «базовым») вновь увеличилась, на этот раз до девяти лет. В начале XXI века, когда финские старшеклассники оказались лучшими в мире по уровню подготовки, в литературе заговорили о «финской модели образования» [Niemi, Toom & Kallioniemi 2016].

Параллельно с распространением грамотности среди населения Финляндии те инструкции, которые лидеры финляндской модернизации составляли для своих исполнителей, постоянно усложнялись. Соответственно, параллельно с высшим уровнем среднего и начальным уровнем высшего образования формировался высший уровень среднего профессионального и начальный уровень высшего профессионального образования. И сегодня после завершения девятилетнего курса «базового» образования финский школьник получает возможность выбрать между академическим средним образованием и профессиональным средним образованием. Первое предоставляется в так называемых лицеях, второе — в профессиональных училищах. По окончании обучения в лицее выпускник вновь получает возможность выбора между обучением в университете или в так называемом политехнике — сегодня политехники известны в Финляндии как «университеты прикладных наук». Выпускник профессионального училища сегодня также имеет возможность поступать как в университет, так и в университет прикладных наук (хотя в XX веке такой возможности у него не было даже теоретически).

На практике, однако, уровень подготовки в профессиональном училище недостаточен для того, чтобы его выпускник мог без дополнительной подготовки поступить в университет. Это является дополнительным фактором маргинализации учеников профессиональных училищ [Meriläinen 2021], особенно сегодня, когда все выпускники базовой школы в Финляндии, не поступившие в лицей, обязаны обучаться в профессиональном училище и не могут начать работать с полной занятостью до достижения восемнадцати лет. Таким образом, и сегодня, несмотря на существенное усложнение технологий, произошедшее за XX век, сохраняется разделение на изобретателей, то есть тех, кто вдохновляется в университетах на создание способов производства, отличных от тех, что были известны ранее, и на исполнителей, то есть тех, кто обучается в профессиональных училищах и университетах прикладных наук и кто в

будущем станет идеальным исполнителем для изобретателей, способным в точности прочесть, понять и изо дня в день выполнять инструкцию изобретателей, на практике реализуя созданные ими новые способы производства. Как модернизация невозможна без изобретателей, так же она невозможна и без исполнителей.

Радикалы против модернизации

Модернизация в Финляндии продолжалась на протяжении почти двухсот лет между 1809 годом, когда Великое княжество Финляндское было создано в составе Российской империи, и 2008 годом, когда мировой экономический кризис продемонстрировал непредсказуемость дальнейших путей экономического развития страны, о чем будет сказано ниже. Усилиями правительства Финляндии — Сената в годы Великого княжества и Государственного совета в годы независимости, — а также усилиями Банка Финляндии на протяжении всех этих двухсот лет у финнов было достаточно денег, которые можно было взять в долг ради внедрения тех или иных инноваций в сельское хозяйство и в промышленность. Все эти двести лет Финляндия активно внедряла новые технологии, часть из которых финские изобретатели создали сами, а часть — благодаря тому, что границы страны оставались открытыми и в XIX, и в XX веке, — была привезена в страну зарубежными изобретателями, из которых для некоторых Финляндия стала второй Родиной. И все эти двести лет — благодаря массовому образованию — в Финляндии было достаточно квалифицированных работников, готовых изо дня в день реализовывать замыслы изобретателей на практике.

Однако открытым остается вопрос, как так получилось, что кредиты получили именно изобретатели, действительно стремившиеся внедрить те или иные инновации, чтобы из полученной прибыли расплатиться с долгами и заплатить налоги финляндским самоуправлениям, которые на эти деньги построили школы, подготовившие квалифицированных исполнителей для реализации замыслов изобретателей? Почему кредиты не достались мошенникам, которые могли бы имитировать стремление внедрить какие-то инновации ради получения кредитов, а после получения денег — вывезти их за рубеж и построить на эти деньги себе красивые виллы в странах с более благоприятным климатом, чем в Финляндии, оставив финляндские банки в долгах, а финляндские муниципалитеты — без средств для строительства школ? Как представ-

ляется, один из вариантов ответа на этот вопрос дал С. Хантингтон, по мнению которого важнейшим фактором модернизации является стабильность политического порядка [Хантингтон 2004].

В самом деле, если рассматривать модернизацию не как разовый скачок из традиционного в современное общество, а как длительный процесс, то для его успеха необходимо, чтобы, во-первых, в стране соблюдался элементарный порядок, то есть существовали институты или — проще — правила, согласно которым, например, человек, взявший кредит под определенные цели, но потративший средства на другие цели, назывался бы мошенником и наказывался бы, а не назывался бы успешным предпринимателем и не демонстрировался бы школьникам в качестве примера. Во-вторых, эти правила не должны меняться слишком часто. Ведь модернизация в целом и внедрение инноваций в частности — длительный процесс. И если на момент получения кредита в стране действуют одни правила, а когда приходит время получать прибыль, расплачиваться по кредиту и платить налоги — другие, то такие изменения могут, скорее, отпугнуть изобретателей и, напротив, привлечь мошенников, которые потом смогут объяснить, что они взяли деньги, но не смогли внедрить инновации не потому, что такова была их изначальная цель, а потому, что при новых правилах это стало невозможным.

Назвав политический порядок важнейшим фактором модернизации, С. Хантингтон противопоставил себя теоретикам модернизации середины XX века, большинство из которых неразрывно связывали модернизацию и политическое развитие [Lehtinen 1974]. Он предположил, что не политическое развитие порождает модернизацию, но, напротив, модернизация порождает политическую нестабильность, за которой иногда следует политическое развитие, в том числе демократизация, а иногда — и нет. Соответственно, государство, заинтересованное в продолжении модернизации, должно быть заинтересованно в политической стабильности. Если политическое развитие, включая демократизацию, в данный момент отвечает целям политической стабильности, то такое государство должно способствовать политическому развитию и демократизации. Однако если политическое развитие в данный момент способно лишь усилить политическую нестабильность, то от политического развития следует отказаться.

К похожему выводу приходит и В. А. Мау, по мнению которого сопротивление политическому развитию и демократизации в годы правления Николая I, а позднее — Александра III и Николая II, было продиктовано именно стремлением, пусть и ошибочным, как показали дальнейшие

события, императорских правительств к проведению ответственной экономической политики, которая «должна основываться на ответственной политике, обеспечивающей стабильность и предсказуемость «правил игры» [May 2009, с. 34]. Такая политика рассматривалась в качестве адекватного ответа на политическую нестабильность, какую породила модернизация страны в результате реформ Александра I и «великих реформ» Александра II. Таким образом, демократизация не обязательно является фактором модернизации, хотя она и может стать его следствием. С. Хантингтон ввел понятие «авторитарной модернизации», которым он обозначил возможность модернизации даже в тех странах, где стабильность политического порядка обеспечивается авторитарным режимом.

В своих последующих работах С. Хантингтон вновь подчеркивает отсутствие прямой связи между демократизацией и экономическим развитием [Хантингтон 2003]. В качестве основного аргумента он приводит пример Индии, которая в начале 1990-х годов, когда писалась эта книга С. Хантингтона, оставалась одной из беднейших стран мира, однако в ней действовал демократический политический режим. В этом вопросе ученый не соглашается с тезисом С. Липсета, который обнаруживает, что в середине XX века в большинстве стран, демонстрировавших высокий уровень экономического развития, наблюдался демократический режим и что большинство демократий демонстрировали высокий уровень экономического развития [Lipset 1959]. С. Липсет не утверждает, что демократия как таковая способствует модернизации и экономическому росту; скорее, он утверждает, что демократизация чаще начинается там, где наблюдается высокий уровень экономического развития. Х. Линц дополняет его теорию, обнаруживая, что чаще всего демократизация начинается в тех странах, где период быстрого экономического роста сменяется периодом стабильного, но не такого быстрого экономического роста [Linz 1978].

Отсутствие экономического роста или экономический кризис часто сопутствуют авторитарным режимам, примером чего является большинство бедных стран мира. Если в такой стране начинается быстрый экономический рост, население также легко мирится с авторитарным режимом, являющимся, по их мнению, залогом экономического роста. Однако, когда экономический рост замедляется, сменяясь не кризисом, но периодом стабильного медленного экономического роста, население начинает требовать для себя возможности участвовать в процессе принятия политических решений и нередко получает такую возможность, благодаря чему авторитарный режим сменяется демократическим. Позднее Х. Линц и

А. Степан еще раз уточнили эти выводы [Linz & Stepan 1996]. По их мнению, демократические режимы являются более эффективными по сравнению с авторитарными, потому что шансы на демократизацию имеют лишь те страны, где демократизации предшествовало возникновение эффективного авторитарного режима, сменившегося в результате демократизации эффективным демократическим режимом.

Неэффективное государство, с одной стороны, не создает эффективных граждан, а без эффективных граждан демократизация невозможна. С другой стороны, неэффективное государство не может и провести эффективную приватизацию, а без эффективной приватизации модернизация едва ли представляется возможной. Таким образом, демократия и модернизация часто сопутствуют друг другу не потому, что одно является фактором другого, а потому, что фактором и того и другого является эффективное государство. Впрочем, нельзя утверждать, что демократия, созданная на основе эффективного авторитарного режима, обязательно будет стабильной. Кайзеровская Германия была эффективным государством, однако Веймарская Республика, созданная на ее основе, не была стабильной, но, напротив, помогла А. Гитлеру прийти к власти. Это заставляет нас вновь вернуться к понятию политической стабильности, введенному С. Хантингтоном. Стабильный авторитарный режим способствует как началу модернизации, так и началу демократизации, однако если в результате формируется нестабильный демократический режим, то достижения и демократизации, и модернизации в стране оказываются под угрозой. Таким образом, хотя появление в стране демократического режима и служит индикатором того, что в ней началась или вот-вот начнется модернизация, не любой демократический режим автоматически гарантирует, что модернизация начнется или продолжится.

Демократический режим теоретически предполагает, что все политические силы страны имеют равные возможности для борьбы за власть. Аналогично либеральный режим предполагает, что граждане свободны создавать ассоциации и присоединяться к ним и что все гражданские ассоциации должны в равной степени получать защиту и поддержку от государства. Однако означает ли это, что либеральное государство должно предоставлять защиту и поддержку в равной степени обычным гражданским ассоциациям, в которые люди могут свободно вступать и которые они могут свободно покидать, когда бы им этого ни захотелось, и, например, тоталитарным сектам, куда вступить легко, а вот покинуть их представляется практически невыполнимой задачей? М. Уолцер отвечает на этот вопрос отрицательно [Walzer 1990].

Либеральное государство оказывает защиту и поддержку либеральным гражданским ассоциациям, то есть таким, которые обеспечивают для всех граждан свободу присоединения и выхода, и отказывает в своей защите и поддержке нелиберальным гражданским ассоциациям, включая тоталитарные секты. Аналогично демократический режим предоставляет большие возможности для борьбы за власть умеренным политическим силам, то есть таким, которые видят своей целью сохранение существующего демократического режима, и меньшие возможности — радикальным политическим силам, то есть таким, которые представляют угрозу для существующего демократического режима. Политическая история Финляндии XX века демонстрирует, что на каждом этапе модернизации страны, хотя в ней в целом сохранялся демократический режим, существовала как минимум одна, но чаще — две радикальные политические силы, возможности для борьбы за власть у которых были меньше, чем у остальных политических сил.

В первой половине XIX века, пока парламент Великого княжества Финляндского — Сейм — не собирался, в стране существовала фактически однопартийная система — в Сенате доминировали представители партии Фенноманов. Однако, когда в результате реформ Александра II Сейм начал собираться, в нем возникла сначала вторая партия — партия Свекоманов, затем — третья, и так далее. В результате, когда после революции 1905 года, в 1907 году, на свое первое заседание собралась Эдускунта — новый парламент Финляндии, избиравшийся уже не по сословному принципу, а всенародным голосованием, в нем были представлены уже шесть политических партий, из которых наиболее популярной была Социал-демократическая партия. Помимо немногочисленных рабочих — промышленность в Финляндии начала XX века только зарождалась, — социал-демократов поддерживали также батраки и малоземельные арендаторы — торпари [Suodenjoki 2017]. И в гражданской войне 1918 года, в которой целями сторон были, с одной (красной) стороны, социалистическая революция, а с другой (белой) стороны — не допустить социал-демократов до власти, многие крестьяне участвовали на стороне красных [Rasila 1968].

Хотя в 1920-х годах финские социал-демократы благодаря своему новому лидеру В. Таннеру заявили об отказе от стремления к социалистической революции и о готовности участвовать в парламентском процессе наравне с другими политическими партиями, целью всех остальных политических партий стало не допустить формирования правительства с участием, а тем более под руководством социал-демокра-

тов. При этом социал-демократы оставались наиболее популярной политической силой в стране. В 1930-х годах список радикальных политических сил в Финляндии пополнило движение «Лапуа», сформировавшееся для противостояния слишком популярным, по мнению идеологов нового движения, коммунистам и социал-демократам [Siltala 1985]. Однако, когда члены движения «Лапуа», вдохновленные опытом итальянских фашистов, организовали «поход на Хельсинки» с целью захвата власти ради установления в стране «Лапуаского закона», финская армия, воевавшая в 1918 году против коммунистов и социал-демократов, теперь выступила против движения «Лапуа» и не допустила прихода новых радикалов к власти.

Во второй половине XX века в роли радикальных политических сил, не допустить прихода к власти которых стремились остальные финляндские партии, выступали две: просоветский «Демократический союз народа Финляндии» и консервативная «Национальная коалиция». В конце 1940-х годов в Финляндии существовала угроза коммунистического переворота, следствием которого стало бы развитие Финляндии по пути Чехословакии в годы холодной войны, а не по пути модернизации, которым страна нашла в себе достаточно мудрости отправиться. С одной стороны, финские коммунисты после окончания Второй мировой войны были достаточно популярной политической силой, способной опереться на широкую народную поддержку ради осуществления переворота. С другой стороны, существовали опасения, что коммунисты могут решиться на захват власти в случае провокации со стороны правых радикалов, включая военных преступников и бывших активистов движения «Лапуа», большинство из которых поддерживали консервативную партию «Национальная коалиция» [Salomaa 2015, s. 178–183].

Остальные финские партии в годы холодной войны стремились не допустить участия обеих партий в работе правительства. Представители «Демократического союза народа Финляндии» участвовали в работе правительства в 1945–1948 годах, однако в последующую четверть века им этого не удавалось: вновь войти в состав правительства представители движения смогли лишь в 1975 году. Представители «Национальной коалиции» вошли в состав правительства в 1958 году, что спровоцировало острый кризис в отношениях между Финляндией и Советским Союзом, получивший известность как «кризис ночных заморозков» [Рупасов 2006]. Они также входили в состав кабинета министров в 1964–1966 годах, однако затем их удалось исключить из работы правительства на более чем двадцать лет — вплоть до прихода к власти премьер-министра

Х. Холкери, лидера «Национальной коалиции», в 1987 году. В 1990-х годах лишившийся поддержки Советского Союза «Демократический союз народа Финляндии» превратился в «Левый союз» — малую левую парламентскую партию, а «Национальная коалиция» — в одну из трех основных политических сил страны, наряду с Социал-демократической партией и «Финляндским центром».

Казалось, в Финляндии уже не может возникнуть радикальная политическая сила, которая будет угрожать самому существованию финляндской демократии и продолжению финляндской модернизации. Однако в начале XXI века такая политическая сила появилась — на этот раз ее роль сыграла партия «Истинные финны». В 2015–2017 годах представители этой партии даже входили в состав правительства, в остальные же годы другие партии делали все возможное, чтобы эта партия оставалась в оппозиции. Сравнивая место в финляндской политике «Истинных финнов» в начале XXI века и «Национальной коалиции» в 1970-х годах, финский политолог М. Йокисипиля пишет, что «в период с 1966 по 1987 год финская демократия была в том смысле не здорова, что набравшую в лучшем случае более 650 тысяч голосов на парламентских выборах “Национальную коалицию” держали по внешнеполитическим причинам в оппозиции» [Jokisipilä 2021, s. 293]. Тем самым он отмечает, что сегодня, когда на выборах 2019 года «Истинные финны» получили более 530 тысяч голосов, но при этом партия остается в оппозиции, это свидетельствует о том, что финская демократия вновь не здорова.

Такая ситуация действительно является нездоровой, если исходить из той точки зрения, что демократия является абсолютно здоровой, когда в ней обеспечиваются равные возможности для участия в борьбе за власть для всех политических сил, как умеренных, так и радикальных. Однако с точки зрения модернизации, важнейшим фактором которой считается стабильность политического порядка (в то время как демократия как таковая не гарантирует ни стабильности, ни модернизации), ограничение возможностей для участия в борьбе за власть для радикальных политических сил, что автоматически предоставляет преимущества умеренным политическим силам, является оправданным. Х. Арендт приписывается фраза: «Когда злу позволено соперничать с добром, зло имеет эмоциональную популистскую привлекательность, которая побеждает, если только добрые мужчины и женщины не выступают в авангарде против злоупотреблений» [Cronje 2021, p. 9], хотя нет свидетельств, что Х. Арендт когда-либо писала или произносила эту фразу. Для модернизации необходимо, чтобы радикальным политическим силам не было «позволено

конкурировать» с умеренными силами на равных, хотя это неизбежно вызывает критику демократического режима, не обеспечивающего равных условий для всех политических сил, включая радикальные.

Националисты за модернизацию

Второй фактор, способствующий тому, что одновременные усилия банковских клерков, изобретателей и школьных учителей порождают синергетический эффект, являющийся двигателем модернизации, на первый взгляд противоречит первому. Этот фактор — национализм. Это и неудивительно в условиях, когда в первой половине XX века именно национализм породил самую радикальную из известных до сих пор политических сил — германский нацизм. Пользуясь тем, что демократия в Веймарской Республике оказалась неспособной ограничить возможности радикальных политических сил на равных бороться за власть с умеренными силами, и эксплуатируя распространившееся среди освобожденных модернизацией «от уз Средневековья» немцев ощущение «одинокости и изоляции», вынудившие их «к новому подчинению» [Фромм 2006, с. 114], германский нацизм сумел захватить власть в стране. После этого он повернул вспять процессы модернизации не только в самой Германии, но и во многих других оккупированных ею европейских странах, а также совершил ужасные преступления против человечности, равных которым, как хочется надеяться, в истории человечества уже никогда не будет.

Здесь мы не станем останавливаться на дискуссии, в какой мере модернизация в XX веке породила тоталитаризм, хотя не упомянуть примеры соответствующей литературы, например книгу Р. Шортена, не представляется возможным [Shorten 2012]. Далекое не во всех и даже не в большинстве стран, где проходила модернизация, она закончилась возникновением тоталитаризма. Большинство стран, переживших модернизацию, избегли этой участи, включая и Финляндию, несмотря на то что на рубеже 1920–1930-х годов, как указывалось выше, пример итальянского фашизма был весьма популярен в Финляндии, а в годы Второй мировой войны Финляндия была союзницей нацистской Германии. Однако все без исключения страны, где когда-либо началась модернизация, были национальными государствами, и национализм сыграл важную роль в объединении усилий большинства жителей страны ради модернизации. Упрощенно можно сказать, что, прежде чем приступить к

модернизации Финляндии, необходимо создать Финляндию и населить ее финнами.

Неудивительно, что одна из двух наиболее популярных теорий возникновения наций и национализма неразрывно связывает национализм с модернизацией и так и называется — модернистская теория национализма. Наиболее последовательными сторонниками этой теории являются Б. Андерсон и Э. Геллнер. Первый вводит в оборот понятие «воображаемого» сообщества, с помощью которого он пытается объяснить читателям, что люди не рождаются принадлежащими к той или иной нации, но они осознают себя в качестве принадлежащих к той или иной нации в процессе социализации. Причем началось подобное осознание людьми себя в качестве принадлежащих именно к определенной нации сравнительно поздно, примерно тогда же, когда на территориях, где проживали эти люди, появились такие институты модернизации, как, например, перепись населения [Андерсон 2001, с. 181–188]. Следуя этой логике, в Финляндии осознание финнов себя именно в качестве финнов началось еще в середине XVIII века, когда созданный накануне в Шведском королевстве Табельный департамент составил первый свод статистических данных о народонаселении всех шведских провинций, включая территорию современной Финляндии.

В свою очередь, Э. Геллнер связывает возникновение национализма с массовым образованием, которое выше также рассматривалось в качестве одного из факторов модернизации [Геллнер 1991]. По его мнению, массовое образование неизменно сопровождается унификацией языка, на котором ведется обучение и на котором учеников обучают читать и писать. А представители большинства наций идентифицируют себя в качестве таковых именно по языковому признаку. С одной стороны, здесь наблюдается противоречие с опытом Финляндии, где жители идентифицируют себя в качестве финнов по территориальному, а не по языковому принципу, и те финны, для которых шведский язык является родным, также идентифицируют себя в качестве финнов. С другой стороны, именно образование на финском языке, распространившееся в конце XIX века, способствовало тому, что большинство финнов научились писать и читать на едином письменном финском языке, хотя говорят они до сих пор на восьми диалектах финского языка, из которых два восточных диалекта существенно отличаются от шести западных диалектов.

Далеко не все исследователи национализма соглашаются с тем, что национализм возник одновременно с модернизацией, что он, с одной стороны, способствовал модернизации, создавая у людей, проживающих

на определенной территории, отношение к этой территории как к «собственному дому», благодаря чему у них возникала естественная потребность делать «свой дом» лучше, а с другой стороны — что модернизация способствовала формированию национализма, благодаря как уже упомянутым переписям населения и массовому образованию, так и, например, сопутствующей модернизации урбанизации. Роль последней заключается в том, что она свела на ограниченной территории городов людей, происходящих из разных стран, говорящих на разных языках, почитающих разные священные книги, соблюдающих разные традиции и обычаи и сумевших осознать свою общность с «такими же, как они», и свое отличие от «других».

Некоторые исследователи опровергают тезис Б. Андерсона и Э. Геллнера, что национализм якобы формировался в Европе и в Азии схожим образом. Так, К. Гирц указывает, что если в европейских странах национализм возник одновременно с модернизацией и преимущественно в городах, то в Азии питательная среда для возникновения национализма и социальной сплоченности сформировалась в сельской местности и благодаря вековым сельскохозяйственным практикам, влияние которых на общество он называет «сельскохозяйственной инволюцией» [Geertz 1963]. Соответственно, модернизации в Азии, где уровень социальной сплоченности изначально был высокий, сопутствовал процесс индивидуализации культур, который можно обнаружить, например, в Японии XX века [Hamamura 2012].

Напротив, модернизации в Европе способствовало повышение уровня социальной сплоченности, произошедшее благодаря национализму, который возник здесь, по мнению ряда исследователей, раньше, чем оформились соответствующие нации. Так, Э. Маркс относит к проявлениям национализма не только деятельность Ж. д'Арк во Франции времен Столетней войны, но и преследование гугенотов в той же Франции, католиков — в средневековой Англии, а мусульман и евреев — в Испании [Marx 2003]. К этому списку можно добавить и стремление к объединению Италии, которое, если судить по творчеству Н. Макиавелли [Макиавелли 2019], было распространено среди итальянской элиты еще в Средневековье, задолго до начала в Италии модернизации.

В Финляндии, с одной стороны, модернизации способствовала индивидуализация финской культуры, подобная той, которая наблюдалась в Японии, при всех различиях между этими случаями. Благодаря индивидуализации отдельные арендаторы помещичьих земель в финских деревнях смогли пойти против остальных жителей своей деревни и начать

вести хозяйство по-новому, не так, как они научились от своих родителей, а те — от их родителей. С другой стороны, модернизации Финляндии способствовал и рост социальной сплоченности, благодаря которой и говорящие по-шведски помещики, и говорящие по-фински крестьяне ощутили свою принадлежность к единому целому, к финскому народу, который должен стать хозяином финляндской земли и начать делать эту землю лучше и краше. И первый шаг в этом направлении, как и положено, сделали в начале XIX века представители финляндской элиты, родным языком для подавляющего большинства которых был шведский. До образования Великого княжества Финляндского они присягали на верность шведскому королю, и если бы территория Финляндии осталась в составе Шведского королевства, среди них сформировался бы шведский национализм, как и в основной части Швеции.

Однако на Сейме 1809 года они присягнули на верность российскому императору, и потому не считали себя более шведами. Ведь шведы служат Швеции. Однако не сочли они себя и русскими, поскольку своими глазами увидели разницу между собой и русским дворянством, обусловленную в первую очередь религиозными различиями. Чтобы стать русским в XIX веке, нужно было принять православие, однако российский император не настаивал, а финляндские дворяне не стремились это сделать. Так значение религиозной принадлежности и политической лояльности перевесило значение языковых и классовых различий между говорящими по-шведски помещиками и говорящими по-фински крестьянами Финляндии, благодаря чему первые признали свою общность со вторыми: финляндские помещики объявили себя финнами. Они начали активно изучать финский язык, и в их же среде изначально сформировалась партия фенноманов [Liikanen 1995], сыгравшая огромную роль в модернизации Финляндии в первой половине XIX века, когда эта партия — единственная в стране на тот момент — фактически контролировала финляндский Сенат.

Это не означает, впрочем, что те, чьим родным языком был финский, и те, чьим родным языком был шведский, достигли высокого уровня социальной сплоченности уже к середине XIX века. Появление во второй половине XIX века партии свекоманов, впоследствии трансформировавшейся в Шведскую народную партию, чьей основной целью было заявлено создание единой Финляндии, в которой носители двух языков — финского и шведского — имеют равные права, доказывает, что в этот период в Финляндии существовало немало сторонников идеи исключения шведского языка из общественной жизни страны. Ситуация еще

более усугубилась благодаря обострению классового противостояния в Финляндии в начале XX века, в рамках которого практически для всех, кто оказался на стороне красных, родным языком был финский, в то время как практически все, для кого родным языком был шведский, оказались на стороне белых. Так классовые противоречия наложились на языковые различия [Namalainen 1974].

Языковые различия стали и важнейшим фактором поражения движения «Лапуа», находившегося под сильным фашистским влиянием, но при этом публично декларировавшего преимущественно консервативные антикоммунистические взгляды, основывающиеся на ценностях дома, религии и отечества [Silvennoinen 2015]. Движение так и не смогло определиться с той ролью, какую должен играть финский язык в той Финляндии, в которой будет действовать «лапуаский закон». С одной стороны, основной целью движения было ограничение прав социалистов и коммунистов, для подавляющего большинства которых родным языком был финский. Более того, безусловным героем для большинства членов движения был К. Маннергейм — командующий войсками белых в месяцы гражданской войны (благодаря его таланту как военачальника красные были повержены). С другой стороны, для большинства членов движения родным языком также был финский, и «лапуаский закон» не предполагал гарантий для шведского языка в Финляндии, из-за чего ни К. Маннергейм, ни президент П. Свинхувуд, чьим родным языком был шведский, не поддержали движение «Лапуа».

Наибольшей социальной сплоченности финляндское общество достигло уже после окончания Второй мировой войны, когда в целях примирения детей и внуков тех, кто занял разные стороны в месяцы гражданской войны 1918 года, в стране были созданы одновременно культы личности В. И. Ленина и К. Маннергейма, из которых первый (почитавшийся детьми и внуками бывших красных) якобы дал Финляндии свободу, а второй (почитавшийся детьми и внуками бывших белых) помог ее отстоять в тяжелые для Финляндии времена [Halmesvirta 2009]. Казалось, ничто не сможет помешать росту социальной сплоченности в стране и продолжению финляндской модернизации. Однако государственный переворот в Чили 1973 года породил первую волну беженцев в Финляндию, за которыми последовали жители двух вьетнамских государств, Сомали и Ирака, бывшей Югославии и бывшего Советского Союза, Афганистана и Сирии, Эритреи и Ливана, Конго и Нигерии, Камеруна и Пакистана. Среди этнических финнов начался новый всплеск популярности радикального этнического национализма, на волне кото-

рого партия «Истинные финны» приобрела популярность у населения страны.

Таким образом, финский национализм в XIX и XX веках помог банковским клеркам, изобретателям и школьным учителям объединить усилия ради модернизации Финляндии независимо от того, был ли для всех них родным языком финский или шведский и участвовали ли их родители и прародители в гражданской войне на стороне белых или на стороне красных. Причем каждый раз, когда в Финляндии набирал силу радикальный национализм, как это случилось, например, в 1930-е годы, на которые пришелся пик активности движения «Лапуа», и создавалась ситуация, способная отпугнуть потенциальных изобретателей, из-за чего страна могла бы остаться без необходимых ей в этот момент технологий, возникали причины, не позволявшие радикальному национализму захватить власть в стране. Хочется надеяться, что такие причины возникнут и в том случае, если партия «Истинные финны» разочаруется в парламентском пути и захочет попробовать иные способы борьбы за власть.

Война и модернизация

Если национализм помогает банковским клеркам, изобретателям и школьным учителям объединить усилия ради модернизации, третий из процессов, неизбежно сопутствующих модернизации, который будет рассмотрен здесь, помогает им понять, что они, пусть даже действуя сообща, находятся на неправильном пути, и возможно, скорректировать свои действия. Этот процесс — война. Многие исследователи рассматривают войну в качестве фактора, скорее препятствующего модернизации, чем стимулирующего его. Причины такого отношения к войне кроются в романтических представлениях мыслителей эпохи Просвещения, которые, как указывалось выше, вдохновили изобретателей последующей эпохи на создание многочисленных инноваций. Будучи воплощены на практике благодаря деньгам, предоставленным банковскими клерками, и квалифицированным исполнителям, подготовленным школьными учителями, эти новшества составили суть процесса, названного здесь модернизацией.

Так, И. Кант мечтал о вечном мире, которого только тогда можно достигнуть, когда «гражданское устройство в каждом государстве... [будет] республиканским», причем такое гражданское устройство он полагал более развитым по сравнению с современными ему и более ранними

политическими системами, указывая, что «ни одна из древних так называемых республик не знала этой системы». Правда, он делает оговорку, что обеспечивающее вечный мир «международное право должно быть основано на федерализме свободных государств», которые «как государства располагают уже внутренним правовым устройством и не позволяют, чтобы другие государства могли по своим правовым понятиям принудить их принять более развитое (то есть республиканское. — *Д. Л.*) правовое устройство» [Кант 1994, с. 13, 16, 18]. Иными словами, И. Кант призывал к тому, чтобы начинавшаяся в его время модернизация породила не только экономическое развитие, но и развитие политических систем, благодаря чему большинство государств стали бы республиками, и тогда удалось бы построить мир без войны.

В начале XX века среди интеллектуалов широко распространился тезис об иррациональности войн [Lodge 1912]. В то же время модернизация понималась как торжество рационального над иррациональным. Так, К. Уолкер подвергает критике обсуждавшуюся выше теорию национализма Э. Геллнера за то, что она якобы слишком рациональна, а потому не в состоянии объяснить страсть, порождаемую национализмом, которая заставляет людей сражаться и умирать за свою страну [Walker 1994]. Интеллектуалы конца XX века вместе с тем не согласились с тезисом, что война всегда иррациональна. Дж. Фирон называет три аргумента, объясняющие, почему войны все-таки происходят, хотя и представляются большинству иррациональными [Fearon 1995]. Во-первых, и элиты, и простые граждане до сих пор подчас ведут себя иррационально, и модернизация XX века ничего не изменила в этом аспекте. Во-вторых, войны начинают элиты, которые пользуются выгодами от войн, перекладывая издержки на простых граждан. В-третьих, даже когда элиты оценивают издержки от войн для себя как несравнимо большие, чем возможные выгоды, они тем не менее подчас втягиваются сами и втягивают свои страны в войны.

Некоторые экономисты также весьма сдержанно оценивают ущерб от войн. С одной стороны, войны хотя бы временно меняют прибыльные направления капиталовложений, внося хаос в структуру спроса и ставя под угрозу привычные маршруты доставки товаров; также войны приводят к обесцениванию валют, разрушая капитал как таковой. С другой стороны, войны подчас ускоряют создание новых технологий, которые можно будет использовать и в мирное время; также войны меняют политические и социальные институты, причем подчас таким образом, что это начинает способствовать экономическому росту, когда наступает

мир [Rostow 1960, p. 164–167]. Некоторые социологи также рассматривают войну не как пережиток общества прошлого, предшествующего обществу модерна, но как неотъемлемый атрибут последнего и как фактор трансформации общественных институтов [Giddens 1987]. М. Манн, рассматривая причины доминирования Европы в мире накануне начала модернизации, обнаруживает среди таких причин как контроль европейских государств над экономическими, идеологическими и политическими ресурсами, так и их контроль над военными ресурсами [Mann 1986].

Устанавливая взаимосвязь между массовым образованием и национализмом (притом что оба являются факторами модернизации, как демонстрировалось выше), модернистская теория национализма игнорирует как взаимосвязь войны и национализма, так и взаимосвязь войны и массового образования [Conversi 2007]. А ведь национализм не только порождает ненависть к соседям, что нередко приводит к началу военных действий, но и подпитывается от войны, которая, если уж она началась, неизбежно приводит к необходимости для каждого определиться, поддерживают ли они «наших» или «врагов». Так же неразрывно война связана с массовым образованием. Не только прусские короли, как указывалось выше, полагали введение массового образования залогом будущих военных побед, но и в других странах наблюдается корреляция между увеличением расходов на образование и военными угрозами [Aghion et al. 2019]. Таким образом, представляется правильнее рассматривать национализм, массовое образование и войну в качестве вершин треугольника, в рамках которого каждая из вершин как подпитывает две другие, так и получает от них дополнительную подпитку для себя.

Важнейшие события, ставшие поворотными моментами европейской модернизации, например Реформация или Великая французская революция, были неразрывно связаны с последующими войнами: Тридцатилетней войной и Наполеоновскими войнами. Напоминая об этом, Х. Йоас приходит к выводу, что модернизация, при всех ее положительных свойствах, не является средством против войн [Joas 1999]. Д. Кеннеди показывает, как участие США в Первой мировой войне заставило страну на время создать институты плановой экономики, и как эти институты оказались вновь востребованы уже в мирное время при проведении Нового курса Ф. Д. Рузвельта [Kennedy 2004], хотя невозможно сказать однозначно, был ли Новый курс неотъемлемым элементом модернизации США или же он ознаменовал сход с пути модернизации, и США вновь вернулись на этот путь лишь после смерти Ф. Д. Рузвельта. Наконец, по мнению Дж. Холла, не только экономическая, но и военная

конкуренция между европейскими державами, пусть и в качестве неожиданного следствия, стала причиной и модернизации, и либерализации [Hall 1985].

Созвучен выводу Дж. Холла и упомянутый выше тезис Дж. Даймонда, который предположил, что относительно успеху Европы по сравнению с другими частями света способствовало то, что на этом континенте естественные географические барьеры были, с одной стороны, не слишком значительными, чтобы воспрепятствовать распространению технологий между странами, а с другой стороны — достаточно значимыми, чтобы воспрепятствовать возникновению единого государства [Diamond 1999, p. 416]. На протяжении столетий, включая XX век, войны в Европе, в том числе начинавшиеся из-за стремления одной из европейских держав создать империю, объединившую бы под своей властью всю Европу, на практике не позволяли общеевропейскому государству сформироваться, сохраняя возможности для конкуренции между европейскими державами. И модернизация Финляндии происходила как благодаря тому, что границы страны и в XIX, и в XX веке оставались пронизываемыми для создаваемых в других европейских странах технологий, так и потому, что эти границы оставались препятствиями, не позволившими стране «слиться» со Швецией в XVIII веке или с Россией в XIX веке, но стать Финляндией.

К. Тэс и Д. Собек [Thies & Sobek 2010] рассматривают войны, политическое развитие и экономическое развитие в качестве взаимосвязанных элементов. Так, опасаясь войны, государства стремятся создать более эффективную систему управления, способную обеспечить быструю мобилизацию значительных ресурсов в случае ее развязывания. В России начала XIX века реформы, разработанные М. М. Сперанским и реализованные в ранние годы правления Александра I, стали одним из факторов, позволивших стране мобилизовать значимые ресурсы не только на войну со Швецией, следствием чего стало присоединение Финляндии к Российской империи, но и для отражения наполеоновского нашествия 1812 года. Для Финляндии победа России в очередной войне против Швеции (в русско-шведских войнах XVIII века Россия в большинстве случаев также побеждала) стала основной причиной, почему финляндский Сейм в 1809 году добровольно присягнул на верность российскому императору: Сейм увидел, что Россия лучше, чем Швеция, способна защитить Финляндию от будущих войн.

Для России победа в Наполеоновских войнах стала основной причиной ничего не менять в управлении и экономике ни в конце правления

Александра I, ни при Николае I. Последний, с одной стороны, не поменял принципов отношений между Санкт-Петербургом и Хельсинки, установленных еще Александром I, а с другой — ни разу за годы своего правления не созвал финляндский Сейм, опасаясь, что тот, если соберется, начнет требовать реформ, к которым император был не готов. Однако отказ от реформ привел к тому, что Россия утратила возможность мобилизовать значимые ресурсы для будущих войн, что стало одной из причин поражения в Крымской войне. Для жителей Финляндии Крымская война, в годы которой английские и французские военные суда обстреливали прибрежные города Финляндии, а Швеция едва удержалась от попытки вновь вернуть Финляндию военным путем, продемонстрировала, что Россия, возможно, более не способна так же эффективно, как раньше, защитить Финляндию от войн [Barton 2005].

Для России, в свою очередь, поражение в Крымской войне стало важнейшей причиной проведения реформ Александра II, включая те из них, которые непосредственно касались Финляндии, в первую очередь разрешение для Банка Финляндии ввести собственную денежную единицу — финскую марку. Однако то ли реформы оказались половинчатыми, то ли эффект от реформ был уничтожен в период правления Александра III и в первые годы правления Николая II, однако в Русско-японскую войну Россия вновь вступила неподготовленной. И хотя во время Русско-японской войны японский флот не обстреливал побережье Финляндии, поражение России произвело на финнов впечатление. Недаром К. Маннергейм, который уже тогда обладал большим влиянием в Финляндии и находился вблизи театра военных действий в Маньчжурii, писал в дни войны в Финляндию, что финны, по его мнению, должны оставаться верны своей присяге императору, несмотря на сложности на фронте. Сам К. Маннергейм остался верен присяге даже после отречения Николая II, отказавшись присягать Временному правительству [Rintala & Hodgson 1978, p. 379].

Поражение в Русско-японской войне и последующие революционные события 1905–1907 годов, которые имели место и в Финляндии, убедили Николая II в необходимости начать реформы, включая превращение избиравшегося по сословному принципу финляндского Сейма в формировавшийся на основе всеобщего равного избирательного права парламент — Эдускунту. Впрочем, эти реформы не спасли Россию ни от революций 1917 года, ни от поражения в Первой мировой войне, следствием чего стало провозглашение независимости Финляндии и начало в стране гражданской войны, в которой, помимо красных и белых

финнов, принимали участие также русские войска (на стороне красных) и немецкие войска (на стороне белых) [Besier 2019]. После победы белых в гражданской войне Финляндия, находясь под сильным влиянием кайзеровской Германии, которая помогла белым одержать победу, могла бы стать монархией. Однако после поражения Германии в войне Финляндия провозгласила себя республикой.

Ошибочным представляется считать, что Финляндия, став независимой, всячески стремилась избегать войн по примеру Швеции, которая после своего поражения в Наполеоновских войнах провозгласила себя нейтральной страной. Тем более ошибочным представляется считать, что стремление избегать войн стало основной причиной модернизации как Швеции, так и Финляндии, причем как в XIX веке, когда Финляндия защищалась Российской империей, так и в XX веке, когда Финляндия всеми силами стремилась к миру и ей это удавалось, за исключением периода Второй мировой войны, в которую Финляндия была против своей воли втянута Советским Союзом. Подобно многим европейским государствам начала XX века, в Финляндии были популярны представления о «великой Финляндии», обладающей выходом не только к Балтийскому, но и к Баренцеву и к Белому морям [Stover 1977]. В 1918–1920 годах, до подписания Тартуского мирного договора с Советской Россией, Финляндия пыталась завоевать для себя выходы к Баренцеву и Белому морям, правда, безуспешно.

В 1941–1944 годах Финляндия, будучи союзницей нацистской Германии, не только стремилась вернуть себе территории, аннексированные Советским Союзом в результате Зимней войны 1939–1940 годов, но и вновь попытаться реализовать на практике стремление к «великой Финляндии», захватив город Петрозаводск. Руководство Финляндии планировало переселить славянское население Карелии на земли, оккупированные нацистской Германией, после победы последней, оставив в «великой Финляндии» лишь финское, карельское и вепсское население. Когда же победа нацистской Германии в 1941 году не состоялась, многие представители славянского населения, помещенные в «переселенческие лагеря», умерли от голода, поскольку планов их кормить у руководства Финляндии не было. После окончания Второй мировой войны некоторые руководители Финляндии, как военные, так и гражданские, были осуждены Хельсинкским трибуналом за это и другие преступления против человечности, совершенные в годы войны [Tallgren 2013].

Необходимость выплачивать репарации Советскому Союзу после окончания Второй мировой войны, как ни странно, оказала положитель-

ное влияние на экономическое развитие Финляндии. Положительное влияние на финляндскую экономику оказала и Корейская война: финляндские предприятия активно приняли участие в поставках товаров к театру военных действий, причем товары эти поставлялись главным образом американской стороне [Fredrickson 1960, p. 25]. В 1960-е годы Финляндия поставляла необходимые товары США, которые вели в это время войну во Вьетнаме, а в 1980-е годы — СССР, который вел войну в Афганистане. Поражение СССР в Афганистане и последующий распад страны в не меньшей степени повлияли на экономику Финляндии, чем потребительский бум и либерализация банковской системы, на которую Банк Финляндии решился под влиянием того, что Национальная коалиция — партия, не допускавшаяся в 1966–1987 годах до власти в стране как радикальная, завоевала большинство в парламенте и стала наконец правящей.

Как минимум на протяжении двухсот лет финляндской модернизации итоги бушевавших в Европе войн указывали жителям Финляндии, на чей пример им не следует ориентироваться. Поражение Швеции в войнах XVIII — начала XIX веков убедили их в том, что со Швецией им не по пути. Поражения России в Крымской и Русско-японской войнах показали, что Россия — ненадежный защитник и что Финляндия вполне способна защитить себя сама, если потребуется. Поражения Германии в Первой и Второй мировых войнах убедили жителей Финляндии не ориентироваться на Германию. Наконец, поражение Советского Союза в Афганистане и в холодной войне в целом убедило даже тех в Финляндии, для кого раньше советский путь развития казался привлекательным, что этот путь также является тупиковым. Важно, что итог войны может подсказать сомневающимся, с кем не нужно быть, но едва ли следует воспринимать итоги войны как указание на то, с кем нужно быть. Итоги войны указывают на дурной пример, решать же, какой из имеющихся примеров счесть для себя хорошим, следует по другим критериям.

На пути к экономике знаний

Скачущие показатели состояния финляндской экономики на протяжении пятнадцати лет, последовавших за мировым экономическим кризисом 2008 года, продемонстрировали, как в начале XXI века в Финляндии все стало непросто. В предшествующие двести лет все было проще. Сельское хозяйство развивалось, чему способствовали переход от

натурального оброка к денежной аренде земельных участков и внедрение многочисленных инноваций, включая как, на первый взгляд, незначительные улучшения, так и начало культивации новых культур и внедрение новых способов хозяйствования в XIX веке, механизация сельского хозяйства и «зеленая революция» в XX веке [Varjo 1977]. Параллельно зарождалась и развивалась промышленность, в основу которой был положен, с одной стороны, агропромышленный комплекс, возникший благодаря непрерывно развивавшемуся сельскому хозяйству, а с другой — лесное хозяйство. Выше приводилось несколько примеров того, как финские компании, когда-то бывшие лесопилками, к концу XX века стали лидерами высокотехнологичного производства, известными не только в Финляндии, но и по всей Европе и за ее пределами.

Взаимодействие финляндского сельского хозяйства и финляндской промышленности, которое и породило феномен финляндской модернизации, проходило в три этапа. На первом этапе нарождающаяся промышленность финансировалась главным образом за счет излишка средств, скапливающихся в быстро развивающемся сельском хозяйстве. На втором этапе сельское хозяйство и промышленность развивались параллельно, активно обмениваясь между собой производимыми продуктами: продовольственные товары, создававшиеся сельским хозяйством, кормили рабочих, которые производили промышленные товары, необходимые фермерам для дальнейшего совершенствования способов производства все больших объемов продовольствия силами все сокращающегося в условиях индустриализации и урбанизации крестьянства. На третьем этапе промышленность развилась настолько, что средства, создаваемые в промышленности, уже смогли быть направлены на поддержку сельского хозяйства и достойного уровня жизни остающихся в финляндских деревнях сельскохозяйственных работников.

Причем переход между первым и третьим этапами произошел стремительно. Еще в 1940-х годах финляндское государство активно строило промышленные предприятия, чтобы произвести товары, которые будут поставлены в качестве репараций в Советский Союз, направляя на эти цели средства, в том числе собираемые в виде налогов с сельскохозяйственных предприятий. А уже в 1970-е годы в Финляндии начала действовать сельскохозяйственная политика, целями которой назывались, в числе прочего, увеличение доходов фермеров и поддержка населения в сельской местности, а средства на реализацию которой финляндское государство черпало из налогов, поступающих от промышленных предприятий [Kettunen 1981]. Однако первый этап и предшествующая ему

модернизация доиндустриального сельского хозяйства, без чего Финляндия не смогла бы даже приступить к первому этапу, заняли более ста лет. Каждый житель Финляндии без исключения сыграл свою роль в таком переходе, однако выше автор этих строк особо выделил роль банковских клерков, изобретателей и школьных учителей.

Благодаря банковским клеркам все эти годы деньги бесперебойно перемещались между сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, а также между ними и государством, благодаря чему описанное выше движение средств оказалось возможным. Часть этих денег была позаимствована финляндскими банками, включая Банк Финляндии, из-за рубежа. Благодаря изобретателям, ряд которых также приехали в Финляндию из-за рубежа, в стране модернизировались сельскохозяйственные предприятия, создавались и модернизировались промышленные предприятия. Но самую важную роль сыграли школьные учителя: ведь народ нельзя завезти в страну из-за границы, необходимо обучать тех людей, которые уже живут в стране. И финские школьные учителя справились с этой задачей: они научили финнов не только читать, писать и считать и не только выполнять полученные инструкции, любить Родину и, если понадобится, быть готовыми ее защищать, но они научили финнов покупать.

Это обусловило потребительский бум 1980-х годов, не только ставший одной из причин кризиса 1990-х годов [Honkaronja & Koskela 1999], но и превративший Финляндию в ту комфортную страну, с которой жители постсоветской России познакомились после падения железного занавеса. Этот успех был достигнут благодаря тому, что финляндские банковские клерки, изобретатели и школьные учителя действовали синхронно, а скоординировать действия им помогли три другие фактора. Во-первых, это финляндская политическая система, которая, оставаясь демократической, препятствовала приходу к власти лидеров радикальных политических движений. Во-вторых, это финский национализм, благодаря которому миллионы незнакомых друг с другом людей, говорящих на двух языках и (в случае финского языка) на восьми диалектах, научились сообща работать на развитие своей страны в мирное время и защищать ее в военное время. В-третьих, это конкуренция между европейскими странами, даже если (а может быть, как раз потому что) эта конкуренция на протяжении XIX и XX веков не раз приводила к началу войн в Европе, непосредственно затрагивавших и Финляндию.

Так оно все и работало на протяжении почти двухсот лет, однако в конце XX века Финляндия, как и большинство стран стремительно

глобализировавшегося в то время мира, оказалась на пороге перехода к обществу нового типа. Во всяком случае, приход общества нового типа предсказывался самыми разными мыслителями, начиная с публикации в 1961 году работы М. Маклюэна [Маклюэн 2020]. В ней он не только объяснил, как изобретение книгопечатания изменило нашу жизнь, в том числе сделало некоторые из упоминавшихся здесь факторов модернизации, например массовое образование, в принципе возможным, но и попытался заглянуть в будущее. В этом будущем, по его мнению, печатной культуре, являющейся одновременно визуальной и индивидуалистической, придет конец, а сменит ее электронная культура, которая станет одновременно аудиальной и коллективистской, поскольку передавать голосовые сообщения удобнее, чем печатать. Это новое общество со свойственным ему коллективизмом, пришедшим на смену индивидуализму общества эпохи книгопечатания, М. Маклюэн назвал «глобальной деревней».

Не только человеческое общество изменится вследствие широкого распространения информационно-коммуникационных технологий, но и мировая экономика подвергнется существенным изменениям. Так, Д. Белл, отталкиваясь от марксистской теории о социально-экономических формациях, видоизменил ее, чтобы она смогла учесть и предполагаемые изменения [Белл 2004]. Так, в античном мире экономику приводил в движение неквалифицированный труд сельскохозяйственных рабочих, что способствовало легитимации в античных обществах рабства. В Средневековье (имеется в виду европейское Средневековье) людей в Европе стало больше, а плодородных земель — меньше, и уже не крестьянский труд, но сама земля начала приводить в движение экономику, что привело к возникновению как феодального строя, так и крепостной зависимости. В эпоху, основной характерной чертой которой стала модернизация, двигателем экономики стала энергия — сначала пара, позднее электричества; как следствие, сложились и современное общество, и современная политическая система. В будущем, предсказал Д. Белл, экономика будет приводиться в движение знаниями, а общество вновь изменится.

Финляндия, где, с одной стороны, действовало множество университетов, работавшие в которых ученые на протяжении двухсот лет вдохновляли финляндских изобретателей на создание инноваций, а с другой стороны, существовала развитая система массового образования, готовившая учеников не только выполнять инструкции изобретателей, но и активно пользоваться воплощением их изобретений в повседневной

жизни, оказалась одним из пионеров создания экономики знаний не только в Европе, но и в мире. Компания «Нокия», созданная в XIX веке как предприятие по переработке древесины в целлюлозу, а в 1960-х годах завоевавшая свою часть рынка промышленных роботов и бытовой электроники, в 1970-х годах занялась разработками систем мобильной связи, в 1980-х годах одна из первых смогла создать достаточно маленький мобильный телефон, чтобы его можно было носить в кармане, а в 1990-х годах телефоны «Нокия» — не в последнюю очередь благодаря уникальному дизайну — завоевали сначала Финляндию, затем остальную Европу, включая Россию, а позднее и весь мир [Ainamo & Pantzar 2000].

«Нокия» не была единственным успехом Финляндии в сфере экономики знаний. В 1990-х годах выпускник Хельсинкского университета Л. Торвальдс разработал ядро «Линукс», на основе которого работают операционные системы, принадлежащие к одноименной «семье». А в 2000-х годах, после появления первого смартфона, созданного корпорацией «Эппл», разработчики компании «Ровио», штаб-квартира которой находится в столичном регионе Финляндии, предложили пользователям первую игру, разработанную специально с учетом возможностей смартфонов, — «Энгри Бёрдс». Успех Финляндии был замечен далеко за ее пределами. М. Кастельс, бывший министр университетов Испании, профессор университета Южной Калифорнии в Лос-Анжелесе и автор многочисленных книг и статей по проблемам информационного общества, посвятил финляндскому опыту сочетания информационного общества и государства благосостояния отдельную книгу (в соавторстве с финским исследователем П. Химаненом) [Castells & Himanen 2002].

Однако вслед за успехами пришли и неудачи. Как и наиболее известный успех Финляндии, так и ее крупнейший провал в сфере построения экономики знаний связан с торговой маркой «Нокия». В 2014 году подразделение корпорации «Нокия», занимавшееся производством мобильных телефонов, было продано корпорации «Майкрософт» ради запуска смартфонов на базе операционной системы «Виндоуз». Предполагалось, что они смогут составить конкуренцию как смартфонам, выпускающимся корпорацией «Эппл» и работающим на базе собственной операционной системы, так и выпускающимся многочисленными компаниями смартфонам, работающим на базе операционной системы «Андроид». Было выпущено несколько моделей под маркой «Виндоузфон», однако они встретили более чем прохладный прием со стороны потенциальных потребителей. И то, что обещало стать еще одной историей успеха для

корпорации «Майкрософт», стало провалом [Peltonen 2018]. Корпорация «Нокия» (как и корпорация «Майкрософт») после этого провала продолжила свою деятельность, сосредоточившись на сетевом оборудовании для телекоммуникаций и на производстве автомобильных шин.

Представляется, что на пути к экономике знаний Финляндия пока находится на первом этапе. Судя по количеству разработанных и воплощенных на практике правительством Финляндии программ по развитию инноваций, для этого этапа характерно перераспределение средств от промышленности (которая продолжает субсидировать также и сельское хозяйство) в экономику знаний. В случае успеха стране удастся перейти ко второму этапу, когда экономика знаний станет самодостаточной и не только прекратит требовать от государства перераспределения части средств, выручаемых в виде налогов от промышленных предприятий, в свою пользу, но и разделит с промышленностью нагрузку по субсидированию сельского хозяйства. Наконец, если экономика знаний действительно продемонстрирует более высокую по сравнению с промышленностью эффективность, когда-нибудь в Финляндии будет создана политика по поддержке промышленности по аналогии с той политикой по поддержке сельского хозяйства, которая была создана в этой стране в XX веке. Однако это — лишь один из возможных сценариев развития, обсуждению которых будет посвящен заключительный раздел данного доклада.

Вместо заключения: к постмодернизации?

Не следует ожидать, что на пути к экономике знаний не будет ошибок, которые болезненно отразятся на экономике и обществе. История модернизации Финляндии демонстрирует, что перемены далеко не всегда и далеко не на всех оказывали исключительно положительное влияние. Никто не может предсказать, сколько времени займет переход и с какими трудностями человечеству в целом, Европе и Финляндии предстоит столкнуться в наступающую эпоху перемен. Как отметил один из наиболее последовательных критиков теории информационного общества Ф. Уэбстер в своем комментарии на упомянутую выше книгу Д. Белла, книга называется «грядущее постиндустриальное общество» именно потому, что оно — «грядущее», и существующая сегодня экономическая статистика не способна показать, какую часть пути к нему мы уже прошли и туда ли мы вообще идем [Уэбстер 2004]. Разные авторы не

могут даже согласиться с единым названием для новой эпохи и процесса перехода к ней: М. Маклюэн называл это «глобальной деревней», Д. Белл — «обществом знания», М. Кастельс — «информационным обществом».

Неизвестно, имеем ли мы дело с переходом к принципиально новой модели экономики и принципиально новому обществу или же речь идет всего-навсего о новом этапе модернизации. Ведь в модернизации промышленности можно выделить несколько этапов: на первом этапе промышленность развивалась под влиянием использования энергии пара, на втором — под влиянием появления конвейеров и использования электрической энергии, на третьем — под влиянием роботизации. Так, может быть, просто наступает очередной этап модернизации промышленности, который будет проходить под влиянием сети Интернет и мобильной связи? И может быть, общество будет развиваться в том же направлении, что и в течение предшествовавшего периода модернизации? Или же направление развития общества изменится и это изменение окажется настолько существенным, что исследователям модернизации следует говорить о начале принципиально нового этапа развития, который можно условно назвать постмодернизацией?

Как отмечали еще в 1970-х годах Ж. Делёз и Ф. Гваттари, важнейшей особенностью мировоззрения эпохи модернизации было стремление к территориализации — то есть к классификации любых объектов на те, которые относятся к данному типу, и те, которые к нему не относятся [Делёз & Гваттари 2007]. В наиболее обобщенном плане: на Востоке люди стремятся делить мир на инь и ян, на Западе — на плюс и минус, подчас забывая — что плюс и минус — два полюса одной батарейки и плюс не может работать, если нет минуса, и наоборот. Модернизация стала возможна благодаря тому, что люди (хотя нередко они и лгали, в том числе самим себе) могли (пусть и порой ошибочно) отличить движение вперед, которое составляло саму суть модернизации, от топтания на месте. Для автора этих строк символом территориализации со школьного возраста стало стихотворение В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». «Если ветер крыши рвет, — писал Маяковский, — каждый знает — это вот». А «дождь покапал и прошел, — продолжает поэт, — это очень хорошо». В 1925 году, когда было написано это стихотворение и когда модернизация находилась на пике, всем было понятно: дождь — плохо, солнце — хорошо.

Однако, прочитав это стихотворение на уроке литературы, автор отправлялся на урок природоведения, где ему уже приходилось отвечать,

что дождь, на самом деле, полезен, а солнце подчас способно убить. В 1980-х годах, когда автор этого доклада учился в начальной школе, сама система образования (много позднее выяснилось, что так оно было не только в советских школах, но и в Финляндии и во многих других странах) старалась внушить ученикам, что не все так однозначно, как казалось людям эпохи модерна. Потому что в 1980-х годах, даже в Советском Союзе (хотя советские руководители едва ли это осознавали), начиналась эпоха постмодерна, важнейшей особенностью мировоззрения в которую стало сопротивление любым попыткам территориализации. Как следствие, люди начали терять ориентиры, разучились отличать инь от ян, плюс от минуса, а движение вперед (составляющее саму суть модернизации) от движения назад. Это заставляет усомниться и в том, что сформулированные здесь выводы относительно сущности, особенностей и факторов финляндской модернизации будут действительны и в дальнейшем, когда Финляндия двинется к постмодернизации.

Постмодернизация потому и называется постмодернизацией, что это переходная эпоха, в которую возникает больше вопросов, чем у кого-либо есть ответов. Например, как двигать вперед сельское хозяйство в новых условиях? В период «зеленой революции» финны узнали, какой замечательный эффект дает использование минеральных удобрений — оно позволяет собрать больший урожай, несмотря на то что на селе осталось меньше работников — ведь большинство уехало в город в связи с индустриализацией, урбанизацией и в целом модернизацией. В начале XXI века, напротив, некоторые хозяйства в Финляндии начали отказываться от применения минеральных удобрений в пользу производства так называемых органических продуктов. Опыт Шри-Ланки, где запрет на импорт минеральных удобрений в страну привел к острому экономическому кризису, не позволяет однозначно заключить, был ли этот кризис порожден ошибками руководства страны, или кризис был неизбежен, однако отказ от удобрений, пусть и болезненный, позволит стране двинуться вперед и в будущем опередить своих конкурентов, или же отказ от удобрений является движением назад, возвратом к временам до «зеленой революции» [De Guzman 2022].

Аналогично как в эпоху постмодернизации определить, каким образом двигать вперед промышленность? Выше, ссылаясь на Д. Белла, автор этого доклада писал, что в эпоху индустриализации двигателем экономики становится энергия. В первые годы индустриализации это была энергия древесного угля, производившегося в том числе из финской древесины, однако через какое-то время промышленники поняли,

что каменный уголь лучше древесного, нефть лучше угля, природный газ лучше нефти, а атомная энергия лучше газа. Следует ли сегодня предприятиям, работающим на угле, стремиться перейти на нефть, работающим на нефти — перейти на газ, а работающим на газе — на атомную энергию, параллельно развивая получение электроэнергии из возобновляемых источников? Или нам следует вернуться к энергии, получаемой из древесины, предварительно переименовав древесину в биотопливо? И если в Северной Каролине сегодня действительно вырубаются деревья ради поставок биотоплива в Европу, где это помогает достичь углеродной нейтральности [De Puy Kamp 2021], является ли это движением вперед или назад?

Что в эпоху постмодернизации будет с деньгами? Один, но, к сожалению, только один из вариантов ответа на этот вопрос содержится в книге П. В. Усанова [Усанов 2020]. Сохранится ли тенденция, наблюдавшаяся в Финляндии на протяжении последних полутора сотен лет: от золотого стандарта, при котором ценность денег обеспечивалась золотом, к Бреттон-Вудской системе, где ценность денег обеспечивалась долларами США, обеспечивавшихся золотом, к пост-Бреттон-Вудской системе, где ценность денег обеспечивалась ничем не обеспеченными долларами, к дедолларизации и далее к частным деньгам, включая криптовалюты? Или к концу XXI века ценность денег будет обеспечиваться чем-то иным, нежели золотом, — например, количеством джоулей энергии, которые на эти деньги можно купить, раз уж энергия имеет столь принципиальное значение для промышленности? Или количеством знаний (которое пока мы даже не знаем, как правильно измерять), раз уж мы движемся к экономике знаний? Или к концу XXI века мы сможем вообще отказаться от денег, не утратив при этом той возможности выбора, которой деньги нас наделяют?

Что будет с миграцией? Большинство упомянутых в данной работе изобретателей, приехавших в Финляндию с целью реализовать свои изобретения в этой стране, способствуя тем самым ее модернизации, приехали сюда в XIX веке. Возможно, предлагаемая здесь выборка нерепрезентативна, однако в XX веке их было уже меньше. В XX веке наблюдались тенденции как к ужесточению миграционного законодательства, так и к его либерализации; для Финляндии в данном контексте принципиальное значение имело присоединение к Северному совету в 1955 году и к Шенгенскому соглашению в 2001 году. В начале XXI века страны Шенгенского соглашения стремились как ограничить иммиграцию из третьих стран, так и создать условия для того, чтобы изобретатели

все же смогли преодолеть эти ограничения. Удастся ли им это сделать, или же изобретатели предпочтут другие страны, способствуя их модернизации, а не Шенгенских стран? Или Европа, а вместе с ней и Финляндия, будет все сильнее изолироваться от остального мира и такая изоляция станет способствовать постмодернизации? Или к концу XXI века европейцы сообразят, насколько попытки ограничить иммиграцию в принципе противоречат идеям постмодернизации?

И что случится с массовым образованием? В начале XXI века в Финляндии, с одной стороны, была увеличена длительность обязательного образования: с 2021 года после окончания девятилетней базовой школы все финляндские подростки, кто не поступил в лицей, обязаны обучаться в профессиональном училище до его окончания или до достижения ими восемнадцати лет. С другой стороны, в 2015–2019 годах правительство Финляндии резко сократило финансирование высшего образования. Означает ли это, что в эпоху постмодернизации ученые, работающие в университетах, перестанут вдохновлять изобретателей на создание инноваций и внедрение их на практике? Может, в эпоху постмодернизации изобретатели перестанут играть существенную роль в развитии экономики, а инновации начнут приходить откуда-то еще? Или проводимая в современной Финляндии реструктуризация науки и высшего образования, какой бы болезненной она ни казалась нынешним финляндским ученым, — необходимая мера для превращения в будущем высшего образования в массовое и уже скоро Финляндия придет к выводу о необходимости сделать образование на уровне бакалавриата обязательным для всех граждан?

Сыграет ли национализм для постмодернизации роль, схожую с той, которую он сыграл для модернизации, как было показано выше? Или же, пользуясь формулировкой А. Д. Смита, «мы преодолели националистическую эпоху в тандеме с отходом от модернизма» [Смит 2004, с. 396]? Представляется, что нет. Даже если предположение, что человечество вступает в принципиально новую эпоху, а не в новый этап привычной нам модернизации, является верным, национализм продолжит существовать. Причем не только в качестве реакции на вступление в новую эпоху. С одной стороны, переход от модернизации к постмодернизации порождает как группу тех людей, кто выигрывает от этого перехода, так и группу тех, кто ощущает себя проигравшим, и последние пополняют ряды сторонников радикальных националистических партий и движений, чьи лидеры выступают против принятия происходящих изменений и за сохранение «старых добрых» национальных государств в неизменном виде.

С другой стороны, сама по себе постмодернизация становится фактором распространения националистических идей и роста их популярности среди населения. Во-первых, постмодернизация и информационные технологии помогают людям узнать о национализме быстрее, чем раньше [Mihelj 2021]. Сегодня для того, чтобы узнать о том, к какому народу принадлежу я и кто именно из соседей моего народа более всего ответственен за то, что я не живу так, как мне хотелось бы, достаточно сделать один-единственный запрос в поисковую систему. Во-вторых, постмодернизация и торжество прав человека приводят к тому, что националисты находятся под защитой тех самых прав человека, в которых они зачастую отказывают представителям национальных меньшинств, по чьей вине они, по их собственному мнению, не живут так, как им хотелось бы. И любые попытки государства ограничить возможности для радикальных националистических политических сил участвовать в политике наравне с умеренными политическими силами встречают сопротивление со стороны тех сторонников последних, кто начинает утверждать, что такая ситуация показывает «нездоровье» демократии в стране.

Останется ли в эпоху постмодернизации конкуренция между странами, неизбежным следствием которой являются войны, важнейшим двигателем движения вперед, или же начало войны в какой-то части света будет указывать, что эта часть света движется назад или топчется на месте? И. Моррис утверждает, что война являлась двигателем прогресса на протяжении всей истории человечества, включая период модернизации, и едва ли что-то изменится в будущем [Morris 2014]. По его мнению, прогресс достижим только в больших сообществах. В малых сообществах, например среди людей, которые общаются только с другими людьми из своей деревни, незачем изобретать письменность. А войны — это как раз тот фактор, который объединял большие группы незнакомых друг с другом людей в сообщества на протяжении всей истории человечества. Однако будет ли так продолжаться и впредь, или просто на смену конкуренции между европейскими странами, порождавшей в прошлом войны в Европе, придет конкуренция между Европой и Америкой, Китаем, Индией, другими быстро развивающимися сегодня странами? Или к концу XXI века человечество сообразит наконец, как можно развиваться без конкуренции и войн?

Изучение опыта Финляндии не дает ответа на все эти вопросы. Потому что пока финны сами себе не ответили на эти вопросы; более того, некоторые из этих вопросов пока в Финляндии и вовсе не стали предметом широкого обсуждения. Найти ответы финнам предстоит в будущем.

Возможно, как и в XIX веке и на протяжении большей части XX столетия, финны будут искать ответы на эти вопросы традиционно — в сауне. Возможно, они найдут для обсуждения этих проблем другое место. Возможно даже, что в XXI веке финны решатся на самую значительную для своей страны перемену и вовсе откажутся от сауны. В любом случае хочется надеяться, что, когда ответы на эти вопросы в Финляндии будут найдены, это поможет Финляндии и дальше двигаться вперед, что бы это ни значило в эпоху постмодернизации, которой еще предстоит подобрать имя, более соответствующее особенностям эпохи, а не только подчеркивающее, как ее нынешнее имя, что дальше не будет как раньше. И Финляндия, как и в XX веке, будет играть роль примера для тех людей, кто изучает чужой опыт, мечтая о модернизации в своей стране.

Литература

Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н. В. Автономовой. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ad Marginem, 2015.

Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Зиммель Г. Философия денег / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Избранное: проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. С. 159–208.

Иванов Р. Н. Сказание о пиве на Руси: Историческое повествование с древнейших времен и до падения Российской империи. СПб.: Атмосфера, 2003.

Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. и послесл. Н. С. Розова. М.: УРСС, 2015.

Лайдинен А. П. Торпарская система аренды земли в Финляндии (XVII — 1-я половина XIX в.). Л.: Наука, 1987.

Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве / пер. с ит. Г. Муравьевой. М.: АСТ, 2019.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. с англ. И. О. Тюриной. М.: Академический проект, 2020.

Маркс К. Капитал. Книга третья. Глава двадцать первая // Полное собрание сочинений. 2-е издание. Т. 25 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 371–392.

Мау В. А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX века: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 32–50.

Мокир Дж. Просвещенная экономика: Великобритания и промышленная революция, 1700–1850 гг. / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Рупасов А. И. Кризис советско-финляндских отношений 1958 г. на страницах дневника У. К. Кекконена // Клио. 2006. № 2 (33). С. 102–108.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Смит А. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуновой. М.: Праксис, 2004.

Тарасова Н. О. Университетская автономия в Российской империи: анализ Устава 1804 года // Новые исторические перспективы. 2018. № 2 (11). С. 71–82.

Усанов П. В. Будущее денег: как свободные рынки победят государство? СПб.: Страта, 2020.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. Н. В. Араповой, М. В. Малыхиной. М.: Аспект-Пресс, 2004.

Фёгелин Э. Новая наука политики: введение / пер. с англ. Н. Селиверстова. СПб.: Владимир Даль, 2021.

Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя / пер. с англ. Г. Ф. Швейника. М.: АСТ, 2006.

Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2003.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-традиция, 2004.

Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997.

Aghion P., Jaravel X., Persson T., Rouzet D. Education and Military Rivalry // Journal of the European Economic Association. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 376–412.

Ainamo A., Pantzar M. Design for the Information Society: What Can We Learn from the Nokia Experience? // The Design Journal. 2000. Vol. 3. No. 2. P. 15–26.

Barton H. A. Scandinavism, Fennomania, and the Crimean War // Journal of Baltic Studies. 2005. Vol. 36. No. 2. P. 131–156.

Benge J., Benge G. Christopher Columbus: Across the Ocean Sea. Lynnwood: Emerald Books, 2005.

Besier G. The intervention of the German Empire in the Finnish Civil War 1917/18: Chapter 5 // 1917 and the Consequences / ed. by G. Besier, K. Stoklosa. London: Routledge, 2019. P. 48–80.

Bhagwati J. In Defense of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004.

Breschi S., Catalini C. Tracing the Links between Science and Technology: An Exploratory Analysis of Scientists' and Inventors' Networks // Research Policy. 2010. Vol. 39. No. 1. P. 14–26.

Castells M., Himanen P. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Chang H. J. Regulation of Foreign Investment in Historical Perspective // European Journal of Development Research. 2004. Vol. 16. No. 3. P. 687–715.

Conversi D. Homogenisation, Nationalism, and War: Should We Still Read Ernest Gellener? // Nations and Nationalism. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 371–394.

Crafts N. F. R. British Economic Growth, 1700–1831: A Review of the Evidence // Economic History Review. 1983. Vol. XXXVI. No. 2. P. 177–199.

Crafts N. F. R., Harley C. K. Output Growth and the British Industrial Revolution: A Restatement of the Crafts-Harley View // Economic History Review. 1992. Vol. 45. No. 4. P. 703–730.

Cronje A. The Art of War and Peace. Independently Published, 2021.

Czarnitzki D., Hussinger K., Scheider C. The Nexus between Science and Industry: Evidence from faculty Innovations // Journal of Technology Transfer. 2012. Vol. 37. No. 5. P. 755–776.

De Guzman C. The Crisis in Sri Lanka Rekindles Debate Over Organic Farming // Time. 2022. July 13. URL: <https://time.com/6196570/sri-lanka-crisis-organic-farming/>.

De Puy Kamp M. How the American South Is Paying the Price for “Green Energy” in Europe // CNN. 2021. July 9. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2021/07/us/american-south-biomass-energy-invs/>.

Dean P., Cole W. A. British Economic Growth: 1688–1959: Trends and Structure. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. London and New York: W. W. Norton, 1999.

Donnelly J. The Elements of the Structures of International Systems // International Organization. 2012. Vol. 66. No. 4. P. 609–643.

Fearon J. D. Rationalist Explanations for War // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414.

Fredrickson J. W. The Economic Recovery of Finland since World War II // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 1. P. 17–36.

Geertz C. Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia. Berkeley: University of California Press, 1963.

Giddens A. The Nation-State and Violence: Volume 2 of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Berkeley: University of California Press, 1987.

Gordon R. J. The Rise and Fall of American Growth: The U. S. Standard of Living since the Civil War. Princeton: Princeton University Press, 2017.

Hall J. A. Powers and Liberties: The Causes and Consequence of the Rise of the West. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Halmesvirta A. A Foreign Benefactor and a Domestic Liberator: The Cults of Lenin and Mannerheim in Finland // Scandinavian Journal of History. 2009. Vol. 34. No 4. P. 414–432.

Hamalainen P. K. Revolution, Civil War, and Ethnic Relations: The Case of Finland // Journal of Baltic Studies. 1974. Vol. 5. No. 2. P. 117–125.

Hamamura T. Are Cultures Becoming Individualistic? A Cross-Temporal Comparison of Individualism–Collectivism in the United States and Japan // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. No. 1. P. 3–24.

Harley C. K. British Industrialization before 1841: Evidence of Slower Growth during the Industrial Revolution // Journal of Economic History. 1982. Vol. XLII. P. 267–289.

Heikkilä H. The Question of European Reparations in Allied Policy, 1943–1947. Jyväskylä: Gummerus, 1989.

Holmberg P. The History of Physics in Finland, 1828–1918 / translated from the Swedish manuscript by Pearl Lönnfors. Helsinki: Societal Scientarium Fennica, 1992.

Holsinger D. B., Thiesen G. L. Education, Individual Modernity, and National Development: A Critical Appraisal // Journal of Developing Areas. 1977. Vol. 11. No. 3. P. 315–334.

Honkapohja S., Koskela E. The Economic Crisis of the 1990s in Finland // Economic Policy. 1999. Vol. 14. No. 29. P. 399–436.

Jackson J. K. The Financial Crisis: Impact on and Response by the European Union // Current Politics and Economics of Europe. 2010. Vol. 2. No. 1. P. 27–73.

Jääntti M., Vartiainen J. The Finnish Developmental State and Its Growth Regime. United Nations University: World Institute for Development Economic Research: Research Paper No. 35, 2009.

Joas H. The Modernity of War: Modernization Theory and the Problem of Violence // *International Sociology*. 1999. Vol. 14. No. 4. P. 457–472.

Jokisipilä M. Perussuomalaiset: Halla-ahon ja Purran linjalla. Helsinki: Otava, 2021.

Kennedy D. M. Over Here: The First World War and American Society. New York: Oxford University Press, 1980. – Second edition; – New York: Oxford University Press, 2004.

Kettunen L. Objectives and Means in Finnish Agricultural Policy // *Journal of the Scientific Agricultural Society of Finland (Maataloustieteellinen Aikakauskirja)*. 1981. Vol. 53. No. 5. P. 285–293.

Klemm A., Knoepffler N. Ernst Abbe als Unternehmer und Sozialreformer: Ein Beitrag zur Wirtschaftsethik. München: Herbert Utz, 2007.

Koivurova M. Road's Safety: DRL Finland 1970 — History Book. Helsinki: BoD, 2022.

Kuusterä A., Tarkka J. The Bank of Finland: 200 Years. 2 volumes. Helsinki: Otava, 2011.

Laine E. Suomen vuoroitomi, 1809–1884. 3. osa. Forssa: Suomen historiallinen seura, 1952.

Latomaa S., Puolijärvi P. The Language Situation in Finland // *Current Issues in Language Planning*. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 95–202.

Lehmuskallio K. Mitä lukeminen sisältää? Helsinki: WSOY, 1983.

Lehtinen D. W. Modernization, Political Development and Stability // *Stanford Journal of International Studies*. 1974. Vol. 9. P. 219–245.

Lemmetti H., Tuominen P. Expatriates' Nostalgic Brand Relationship: Case Fazer Blue Chocolate // *Regional Studies on Economic Growth, Financial Economics and Management: Proceedings of the 19th Eurasia Business and Economic Safety Conference* / ed. by M. H. Bilgin, H. Danis, E. Demir, U. Can. Cham: Springer, 2017. P. 401–422.

Liikanen I. Fennomania ja kansa: joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1995.

Linz J. J. Crises, Breakdown and Deequilibration: Vol. 1 // *The Breakdown of Democratic Regimes*. In 4 vols. / ed. by J. Linz, A. Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.

Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69–105.

Lodge O. J. The Irrationality of War: On Science as an Element in the Developing of International Good Will and Understanding // *International Conciliation*. 1912. No. 56.

Mäkinen I. From Literacy to Love of Reading: The Fennomanian Ideology of Reading in the 19th-century Finland // *Journal of Social History*. 2015. Vol. 49. No. 2. P. 287–299.

Mann M. A History of Power from the Beginning to AD 1760: Volume 1 // *The Sources of Social Power*. In 3 Volumes. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Marx A. D. Faith in Nation: Exclusionary Origins of Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

McKenzie B., Dukeov I. Retail Strategy and Policy in Russia // *Retailing in Emerging Markets: A Policy and Strategy Perspective* / ed. by M. Mukherjee, R. Cuthbertson, E. Howard. London and New York: Taylor and Francis, 2015. P. 176–199.

Meriläinen N. “My Participation is Often Dismissed”: How Vocational School Students Participate in Society // *Teaching Civic Engagement Globally* / ed. by E. C. Matto, A. R. M. McCartney, E. A. Bannion, A. Blair, T. Sun, D. Whitehead. Washington: American Political Science Association, 2021. P. 359–373.

Mihelj S. Digital Nationalism: Understanding the Role of Digital Media in the Rise of ‘New’ Nationalism // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 331–346.

Morris I. War! What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014.

Niemi H., Toom A., Kallioniemi A. (eds.) *The Miracle of Education: The Principles and Practices of Teaching and Learning in Finnish Schools*. Rotterdam, Boston and Taipei: Sense, 2016.

Nipperday T. Mass Education and Modernization: The Case of Germany 1780–1850: The Prothero Lecture // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1977. Vol. 27. P. 155–172.

Nykänen A. Organic Food and Farming Research in Finland // *Forskningsnytt*. 2006. Nr. 2. P. 20–21.

O’Brien P, Keyder C. Economic Growth in Britain and France, 1780–1914: Two Paths to the Twentieth Century. London: Routledge, 1978.

Paaskoski J. Viipuriin ja maailmalle: Saimaan kanavan historia. Helsinki: Otava, 2002.

Palo M. Coevolution of Forestry and Society in Finland: From Preindustrial to Industrial Forestry. Vuosilusto, 2005. URL:

https://asiakas.kotisivukone.com/files/vipustin.kotisivukone.com/Metsat/Maailman_metsat/Matti_Palo/coevolutionpalolastfinal12052006.pdf.

Peltonen T. Case-Study 4: The Collapse of Nokia's Mobile Phone Business // Towards Wise Management: Wisdom and Stupidity in Strategic Decision-Making. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 163–188.

Pick F. W. Tartu: The History of an Estonian University // American Slavic and East European Review. 1946. Vol. 5. No. 3/4. P. 150–161.

Rasila V. Kansalaissodan sosiaalinen tausta. Helsinki: Tammi, 1968.

Rekola R. Kuu on nuarten miästen aurinko: 36 500 suomenkielistä sananlaskua. Norderstedt: BoD, 2022.

Rintala M. Hodgson J. H. Gustaf Mannerheim and Otto W. Kuusinen in Russia // Slavonic and East European Review. 1978. Vol. 56. No. 3. P. 371–386.

Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Ryan J. A History of the Internet and the Digital Future. London: Reaktion, 2010.

Salomaa M. Kylmän sodan toinen erä. Jyväskylä: Docendo, 2015.

Selleck R. G. Quaker Pioneers in Finnish Economic Development: James Finlayson and the Wheeler Family // Quaker History. 1962. Vol. 51. No. 1. P. 32–42.

Seyd E. Bullion and Foreign Exchanges Theoretically and Practically Considered Followed by A Defence of Double Valuation, with Special Reference to the Proposed System of Universal Coinage. London: Effingham Wilson, Royal Exchange, 1868.

Shorten R. Modernism and Totalitarianism: Rethinking the Intellectual Sources of Nazism and Stalinism, 1945 to Present. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset, 1930. Helsinki: Otava, 1985.

Silvennoinen O. 'Home, Religion, Fatherland': Movements of the Radical Right in Finland // Fascism. 2015. Vol. 4. No. 2. P. 134–154.

Sorsa K. Sustainable Development as a Management Challenge // Cases on Quality Initiatives for Organizational Longevity / ed. by A. Krishnan. Hershey: IGI Global, 2018. P. 92–117.

Stover W. J. Finnish Military Politics between the Two World Wars // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 4. P. 741–757.

Sundberg U. Ecological Economics of the Swedish Baltic Empir: An Essay on Energy and Power, 1560–1720 // Ecological Economics. 1992. Vol. 5. No. 1. P. 51–72.

Suodenjoki S. Land Agitation and the Rise of Agrarian Socialism in South-Western Finland, 1899–1907 // Labour, Unions and Politics under the North Star:

The Nordic Countries, 1700–2000 / ed. by M. Hilson, S. Neunsigler, I. Vyff. New York; Oxford: Berghahn, 2017. P. 175–196.

Tallgren I. The Finnish War-Responsibility Trial in 1945–6: The Limits of Ad Hoc Criminal Justice? Chapter 21 // *The Hidden Histories of War Crimes Trials* / ed. by K. Heller, G. Simpson. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 430–454.

Talvio T. Suomen rahat. Heslinki: Suomen Pankki, 2003.

Thies C., Sobek D. War, Economic Development, and Political Development in the Contemporary International System // *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54. No. 1. P. 267–287.

Thomas H. Education and Modernization // *Educational Review*. 2005. Vol. 57. No. 2. P. 235–245.

Varjo U. Finnish Farming: Typology and Economics. Budapest: Akademiai Kiado, 1977.

Walker C. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Walzer M. The Communitarian Critique of Liberalism // *Political Theory*. 1990. Vol. 18. No. 1. P. 6–23.

World Bank. Foreign Direct Investment, Net Inflows (% of GDP) — Finland, 1970–2020. World Bank, 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?locations=FI>.

Дмитрий Александрович Ланко

Модернизация в окружении. Часть V: вопросы теории

Препринт М-96/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 26.01.2023.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.